Когда меркнет свет

Автор:
Лорет Уайт

Когда меркнет свет

Лорет Энн Уайт

Высшая лига детектива

Успешный автор детективов Мэг Броган отправляется в родной город, чтобы написать книгу о нераскрытом убийстве сестры, которое произошло два десятка лет назад. Мэг тогда нашли без сознания неподалеку от места преступления. Очнувшись, она так и не вспомнила, что с ней случилось. Ныне она пытается хотя бы частично восстановить события, но цель ее приезда не встречает понимания в городе. Кто-то расписывает ее дом кровью и стреляет по окнам…

Лорет Уайт

Когда меркнет свет

Loreth Anne White

In The Waning Light

© 2015 Loreth Anne White

© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящаю эту книгу всей команде «Келлис Брайтон Марины»

Мэгги

«В этом мире мы вовсе не равнодушные наблюдатели. На свидетелей и детективов сильно влияет то, что они ожидают увидеть, то, что они хотят увидеть, и то, что видят на самом деле. Чем сомнительнее последнее, тем сильнее влияют первые два фактора. Аналогично, то, что мы помним, зависит от того, во что мы верим, – человеческий разум записывает информацию отнюдь не объективно…»

М. Дж. Броган, Незабытые грехи

На белой полке в гостиной моя сестра держала в маленьком аквариуме золотых рыбок, у них был пластиковый коралловый риф, где они могли прятаться, серебряные пузырьки, мягко струящиеся на поверхность, и идеально отрегулированные температура воды и содержание кислорода. В детстве я очень переживала – маленькие оранжевые рыбки в аквариуме раскрывали рты и пытались найти путь на свободу. Не глупи, Мэгги, – говорила мне сестра. – Они живут в идеальном мире. В их водах нет хищников, с которыми приходится сталкиваться бедным рыбкам в море. Но Шерри не знала, что иногда хищники живут рядом. Среди нас. В нашем идеально устроенном мире. И на первый взгляд ничем не отличаются от остальных рыбок в аквариуме…

Мэг убрала руки с клавиатуры и размяла ладони. Она замерзла до костей, работая в перчатках без пальцев на маленьком столике трейлера. Снаружи бушевал ветер с Тихого океана, дождь со снегом хлестал по окнам. Небо почернело, гремел гром. С грохотом стучали волны, разбиваясь о причал, вода в бухте неумолимо поднималась все выше, водяные гребни били по палубе, по

мешкам с песком, подступали к зданию пристани, откуда они с Ноем уехали час назад. Телефоны не работали. Электричество отключилось по всему побережью. Приближался шторм и цунами.

Мэг писала, чтобы отвлечься от ожидания, чем-то себя занять. В конце концов, создание этой истории – единственная причина ее возвращения в Шелтер-Бэй.

Но она и предположить не могла, чего это будет ей стоить, а ведь еще далеко не конец.

Иногда туман разрезал слабый луч маяка, словно глаз всеведущего мифического гиганта, возвышающегося на черных скалах Шелтер-Хэд и предупреждающего моряков об острой пасти, разинутой внизу. Стонала сирена туманного горна – заунывный, гулкий звук всегда бередил Мэг душу, заставляя думать о загадочных кораблекрушениях и пропавших в море людях.

Она была в любой момент готова уехать еще дальше от моря, если прилив поднимется выше. Ной наконец заснул – она поняла это по глубокому, спокойному дыханию мальчика, устроившегося на ее спальном мешке. Ребенок очень устал, и Мэг хотела остаться с ним у пристани как можно дольше, потому что его отец еще не вернулся. Он был там, в воде. Он искал брата.

Береговая охрана ничем не могла помочь. К ним со всего побережья поступали сигналы бедствия от лодок, застигнутых врасплох внезапной сменой погоды, а на севере дрейфовал японский нефтяной танкер, двигаясь в сторону скал возле Кэннон-Бич.

Мэг провела руками в перчатках по лицу, у нее внутри все сжалось при мыслях о Блейке. О том, что между ними произошло. О секретах, которые братья Саттон хранили от нее столько лет.

Секретах, которые убили ее семью.

Если бы не Ной, ее бы здесь уже не было. Она бы вернулась в Сиэтл. Но, несмотря на всю ненависть к Блейку, она не могла бросить его маленького сына. Придется ждать, пока он не позвонит или не вернется.

Если вернется…

Мэг снова сосредоточилась на ноутбуке. Совсем скоро сядет батарея. Она писала книгу не по порядку, кусочки мозаики складывались постепенно, по мере того, как она брала интервью у тех, кто имел отношение к убийству сестры.

Рыбки в аквариуме Шерри умерли еще до конца того лета. Мои родители забыли их покормить. А потом они забыли и про меня.

Я тоже умерла тем летом. В переносном смысле.

Умер весь город.

До убийства Шерри Шелтер-Бэй был идеальным городком, как будто с открытки. Сюда съезжались на каникулы туристы, ели мороженое, катались по пляжу на лошадях и смеялись, усевшись вокруг костров в парке. Здесь дети бросали велосипеды прямо на улице, и они спокойно лежали до утра. Соседи никогда не запирали двери и передавали друг другу через забор яблочный пирог. Смерть Шерри потрясла всех, вывернула общество наизнанку. Друзья стали врагами. В тот день похитили нашу невинность. А трещина на стекле, возникшая от первого удара и непреклонно растущая месяц за месяцем, создала сеть еще более глубоких и опасных изломов, в конце концов полностью разрушив две семьи.

Тот жаркий август начался так же, как сотни других: с восхода солнца, крика чаек и вышедших в море рыболовных лодок. Мягко постукивали маленькие лодочки, игриво подталкивая друг друга на причалах пристани Булла Саттона. Хрустящий ветер поднимал брызги с хребтов катящихся бурунов, ласкал травы, растущие на белом песке косы.

Это было лето, полное арбузов, крема от загара и барбекю на заднем дворе, пурпурных черничных улыбок, морской соли, покалывающей согретую солнцем кожу, горящих коленок, до крови натертых в домиках на деревьях и в ветвях над ними. Это было лето ярко раскрашенных буйков, вареных крабов и поделок из выброшенной на берег древесины. Свежего местного сыра с фермы Чиллмоук и терпкого аромата розовых крабов.

Лето, прожитое на полную катушку, со свирепостью юности. И с ветром в волосах.

Но этот день окажется другим. Прежде чем солнце успеет опуститься за горизонт, Шерри Броган будет мертва. А меня найдут у самого берега без сознания – я буду качаться на волнах, как мертвый тюлень, белая, как рыбий живот. С синими губами. И нитками водорослей, застрявшими в длинных волосах, намокших и обнаживших зияющую рану на брови.

Это было почти четверть века назад…

Мэг остановилась. Потом быстро прокрутила на начало и напечатала название. Потерянная невинность. Какое-то время она смотрела на эти слова, на мигающий в темном трейлере курсор. Прогремел гром, она вздрогнула. Зазубренная молния вспорола черную бухту. Фронт приближался. Уже почти завис над ними. Мокрый снег становился все сильнее. Ной застонал во сне. Она посмотрела на мальчика, потянулась через стол и пальцем приоткрыла жалюзи. Сквозь снег, черноту и туман было сложно разглядеть уровень воды. Через несколько минут надо выйти с фонариком, проверить.

Удалив название, она написала: Чужак среди нас. Прикусила губу.

Обычно она работала совсем иначе.

Во всех предыдущих книгах Мэг точно знала, кто преступник, еще до начала работы. Она никогда не бралась за нерешенные дела. Это было одним из основных правил написания детективов. Конец нужно знать заранее. Знать, кто злодей, как его поймали, обвинили, судили и вынесли приговор. Разумеется, она описывала ход расследования, суды, вставляла газетные вырезки, но читатели детектива всегда ожидали, что в конце восторжествует справедливость. Этим и привлекал жанр. Можно почувствовать себя немного увереннее в мире, где с хорошими людьми случаются плохие вещи. Людям нравилось, что в детективах появлялись герои из реальной жизни – полицейские, следователи, судьи, которые помогали жертвам обрести возмездие. Поддерживали естественный порядок вещей. Восстанавливали справедливость.

Но на этот раз Мэг не знала, кто злодей.

Раньше думала, что знает. Шериф, полиция, окружной прокурор – весь город был абсолютно уверен, что двадцать два года назад Тайсон Мак изнасиловал и задушил Шерри Броган и был наказан за свое злодейство.

Пока несколько лет назад все не изменилось.

Пока Мэг не вернулась в Шелтер-Бэй, чтобы написать историю Шерри.

Пока, слой за слоем, ей не открылась темная паутина лжи и нежелания видеть, что преступником мог оказаться кто-то другой.

И что он мог по-прежнему быть там. Среди них.

Мэг снова принялась за работу. Батареи хватит еще минут на двадцать. Мэг раздумывала над стилем. Может, всезнание, как у Диккенса? Смотреть на историю всевидящим оком. Это поможет дистанцироваться от дела, облегчит задачу. Просто пиши. Как получится. Поправишь потом. Не думай о Блейке и Джеффе…

Она продолжила:

Пролетая над побережьем Орегона, вы увидите у самой воды уютный городок Шелтер-Бэй, защищенный от океана косой белого песка длиной в четыре мили. Искусственные рифы сдерживают воду в устье бухты, и самоуверенность рыбаков порой оборачивается здесь вызовом береговой охраны и «Скорой помощи». Северная часть косы – национальный парк. Там растут хвойные деревья и кустарники и проходит сеть троп – это популярное место для конных походов.

Двадцать два года назад вы бы заметили две основные жилые зоны, разделенные прибрежной скоростной трассой: на западе, на возвышенности с видом на океан, и на юге, над рекой Хобсон, вокруг залива. В южной части и стоит двухэтажный дом Броганов. За домом простирается до самых гор густой дикий лес. Из-за разнообразия природы и климата – более семидесяти миль живописного побережья, пять бухт, девять больших рек – здесь нередко пропадают люди.

Но убийство – нет, с этим шериф Айк Ковакс и его помощники иметь дело не привыкли.

Давайте вглядимся пристальнее, пронесемся над Фронт-стрит с ее старомодными маленькими магазинчиками, мимо здания муниципалитета, пожарной станции и начальной школы, над католической церковью с аккуратным кладбищем, рестораном «Лайтхаус» с миниатюрной копией маяка, гордо стоящего на Шелтер-Хэд. А теперь двинемся в сторону пристани Булла Саттона.

Ближе, еще ближе – прямо к пристани. Видите покачивающиеся лодки? Буйки? Маленький бирюзовый сарай в дальнем конце причала, где лежат спасательные жилеты и садки для крабов? С оранжевым спасательным кругом на стене? А теперь посмотрите на девчонку в джинсовых шортах, бегущую вдоль здания. У нее длинные темно-рыжие волосы – такого же цвета, как древесина древних кедров, растущих на побережье. И вообще-то она уже не девчонка. Она находится в непростом возрасте между детством и юностью. Через неделю ей исполнится четырнадцать.

С раскрасневшимися щеками и горящим взглядом она несется в кроссовках по дальнему причалу. Мальчик, Блейк Саттон – ему шестнадцать – светловолосый и загорелый, с ярко-зелеными глазами и густыми бровями, перестает тянуть сеть и смотрит на ее стройные, худые ноги.

– Мэг, ты куда? – кричит он.

– Не твое дело!

– Почему без садка?

Она не отвечает. Добегает до конца причала и забирается в лодку: оловянный корпус, зеленая краска, двухтактный навесной мотор. Не теряя ни секунды, она отвязывает веревку и отталкивается от причала. Заводит мотор. Он выпускает голубой дым, кашляет и оживает.

– Возьми спасательный жилет!

Она не слушает. Поворачивает ручку, наращивая обороты. Выехав с пристани, ускоряется и несется по бухте, оставляя на темно-зеленой воде белую пену. Надвигается прилив, море мерцает и ворчит. Ей все равно. Она представляет, как внизу расстилается ковер из залезающих друг на друга крабов – морских пауков, переползающих по песчаному дну во время приливов и отливов.

Когда она добирается до середины бухты, ей в лицо бьет холодный соленый ветер. Она поднимает голову ему навстречу, за спиной развевается знамя медных волос. Это лето принадлежит ей. Как и бухта. И город. Это ее мир. Она прекрасно знает нрав этих вод, и каждую лужу в прибрежных скалах, и где можно найти сиреневые барвинки, набрать лучших устриц и накопать самых жирных моллюсков. Это ее территория. Личный маленький аквариум. Безопасный от хищников, которые не охотятся в идеальных солнечных городках вроде Шелтер-Бэй.

Но в игре света и тени под прибрежными соснами, в качании трав тем августовским вечером ее поджидает судьба, невообразимый ужас. Он настолько не вписывается в ее жизнь, что она забудет его на ближайшие двадцать два года. Этот кошмар разобьет жизни обитателей города на кусочки. Он будет стоить Мэг семьи. Привычной, счастливой жизни.

Блейк наблюдает, как она удаляется.

Целенаправленно и быстро она движется в сторону белого песка на противоположном берегу.

Он хочет последовать за ней, поиграть среди волн. Поцеловать ее в губы. Но все лето он привязан к пристани, помогает отцу. Мальчика охватывает гнев. Старший брат опять пренебрег обязанностями, еще до рассвета улизнул собирать выброшенную на берег древесину для своего «искусства». Блейк видел его из окна – его лодка ползла в рассветных сумерках по стеклянной глади залива, как насекомое. Тоже в сторону косы.

– Блейк! – кричит ему отец. – Клиент ждет!

Он бросает пустой садок для крабов и топает ко входу в резиновых сапогах.

Не зная, что ждет ее на берегу, прямо за гребнем поросшей прибрежными соснами дюны, девочка причаливает на пляж, нос зеленой лодки мягко скребет по песку. Девочка спрыгивает в воду и вытаскивает судно из воды, стараясь избегать острых раковин…

Мэг замерла – снаружи раздался глухой удар, отличающийся от остальных звуков непогоды. Она внимательно прислушалась, пытаясь распознать его среди гудков сирены и отдаленного грохота ветра и волн. У двери трейлера послышалось царапанье, дернулась ручка. Мэг испугалась. Услышала еще один удар и почувствовала движение, словно кто-то толкал ее фургон. Ручка задергалась сильнее. Но дверь была заперта. Не сводя взгляда с ручки, Мэг тихо потянулась к ящику за холодильником. Открыла. Нащупала пальцами лезвие разделочного ножа. Загремел гром, у нее екнуло сердце. Она медленно поднялась на ноги, зажав рукоятку ножа в кулаке. Потянулась к жалюзи над столом и посмотрела в щелочку. Бухту осветила молния: Мэг увидела блестящую черную воду, силуэты узловатых прибрежных сосен, согнувшихся под ветром, серебристые брызги. Какие-то обломки, летящие по парковке. Бьющуюся на ветру веревку. И больше ничего.

Она осторожно направилась к окну на противоположной стороне трейлера и вдруг почувствовала запах дыма. Он усиливался. Пожар. Мэг с ужасом подумала о двух газовых баллонах, один из которых был открыт, питая обогреватель и холодильник. О полном баке дизельного топлива. Они могут взлететь на воздух в любую секунду.

– Ной! Просыпайся, быстро!

Она хотела открыть дверь, но замерла. Вдруг кто-то пытается выгнать их наружу? Нельзя исключать такую вероятность.

– Что происходит? – Ной резко сел, растерянный и сонный.

– Бери куртку, иди сюда! – Она отперла дверь, опустила ручку, нажала. Но дверь не открывалась. Мэг надавила плечом. Тщетно. Ударила сильнее. Ничего. Запах дыма усилился. Он струился из-под кровати. Мэг заметила оранжевое сияние через маленькое окошко, выходящее в кабину машины. Огонь. Ной начал кашлять.

Кто-то запер их. Они в ловушке – человеческое мясо в консервной банке, готовой вот-вот взорваться.

Сосредоточься. Паника убивает. Думай. Включи логику…

Дрожащими руками Мэг подняла жалюзи и попыталась открыть окно. Заблокировано. Потом начала биться в окно напротив, ломая ногти. Тоже наглухо закрыто. Лихорадочно осмотрелась. Огнетушитель. Мэг вытащила его и со всего размаху ударила его дном в большое окно над столом. По стеклу поползли трещины. Еще два удара, и наружу посыпались осколки. Дождь, ветер, снег залетели внутрь, обжигая ее лицо.

– Ной, сюда. – Она смахнула огнетушителем осколки с нижней части рамы. Обернула Ноя одеялом и помогла ему подняться на скамейку. – Сейчас я спущу тебя вниз, хорошо? Как только окажешься на земле, беги. Как можно дальше, наверх, от моря. Я тебя найду. Давай!

Дождь промочил ей свитер, пока она помогала Ною выбраться наружу. Он встал на гравий. Посмотрел наверх – белое лицо, огромные глаза.

– Давай! Беги!

Он повернулся и побежал, маленькая фигурка на тоненьких ножках в сырой, черной ночи.

Мэг протиснулась в окошко ногами вперед и опустилась на гравий. Протянула руку, чтобы достать нож. Но вдруг почувствовала сильный удар в затылок. Ее тело завибрировало и замерло. В голову вступила острая боль, опустилась по позвоночнику до кончиков пальцев. В глазах зарябило. Мэг попыталась развернуться, сделать шаг вперед, убежать, но колени подогнулись, и она упала на землю.

Новый резкий удар, теперь по ребрам. Она почувствовала, как треснула кость. Задыхаясь, Мэг попыталась откатиться прочь, подняться на колени и на руки. Уползти. Боковым зрением она видела, как языки пламени лижут ее фургон, как их раздувает ветер. Клубился едкий, удушливый дым. Мэг встала на четвереньки. В глазах потемнело. Нужно убираться отсюда, пока не взорвались

баллоны. Она выставила вперед руку, но кто-то схватил ее за волосы и резко развернул.

Небо разрезала молния. И тут она увидела.

Его.

Он посмотрел ей в глаза. И в ту же секунду, потерявшись во времени и боли, она увидела на его лице абсолютное хладнокровие. И поняла.

Поняла с горькой, тяжелой уверенностью. Да, у ее книги появился конец – но она никогда его не напишет. Потому что теперь она знала, что это он. А еще точно знала… Что сейчас умрет.

Глава 1

Четырьмя неделями ранее.

Сиэтл.

– Сегодня у нас в студии снова автор детективов Мэг Броган.

Стамос Статхакис, ведущий «Вечернего шоу», вытянул ноги и закинул один ковбойский сапог на другой, согнувшись под странным углом в квадратном ярко-оранжевом кресле. Мег сидела напротив него в таком же кресле, слишком низком и стоящем слишком близко, и жалела, что не надела брюки: пришлось сжать колени и отвести ноги в сторону, чтобы более-менее прилично выглядеть в строгой юбке.

На столе рядом со Стамосом лежал экземпляр ее последнего романа «Незабытые грехи». У них за спиной на огромном экране во всю стену отображалась холодная, заснеженная обложка. Художник переделывал ее несколько раз, пытаясь уловить мрачное настроение «скандинавского нуара». Впереди, под ярко освещенным помостом, на котором они сидели, блестели в темноте глаза зрителей студии. И в эту темноту Стамос бросил свою фирменную,

заговорщическую улыбку, которая как бы обещала: сейчас мы разберемся с этой дамочкой.

Прости, Статхакис, но нет.

Однако пульс у нее все равно участился. Она подумала о Джоне, своем женихе, наблюдающем за ней из-за кулис вместе с ее издателем. В студии было жарко. Неприятное чувство смущения поселилось в груди. Она умела держаться перед камерами, но всегда чувствовала себя неуютно.

– До создания настоящих криминальных романов Мэг была известна своими дискуссионными статьями в «Сиэтл таймс». Прежде чем стать автором криминальной рубрики «Таймс», она прошла нелегкий путь: начала младшим репортером и со временем получила многочисленные награды за статьи на тему преступления и наказания. Потом появился популярный блог, и ее все чаще начали приглашать на телевидение в качестве эксперта, чтобы получить комментарий по самым заметным делам. Ее первая книга, «Ты моя: История одержимости», попала на полки и в рейтинги «Нью-Йорк таймс» пять лет назад. С тех пор Мэг занимает первые места в списках популярный авторов. И теперь, в своем новом романе «Незабытые грехи» – он выходит в продажу завтра, – он поднял книгу. Камера показала ее крупным планом, – Мэг отправляет нас в готическое путешествие, тема которого – ненадежность памяти, а задача – пролить свет на старое, леденящее душу дело, которое вовсе не было забыто. Мэг, спасибо, что сегодня ты с нами. Можешь немного рассказать о последней книге?

Она улыбнулась, подавив желание убрать волосы назад.

– Это история Глории Лалофс, которую в детстве изнасиловал отец в амбаре на их семейном ранчо в Миннесоте, но ему попытались помешать два мальчика из соседней резервации. Отец Глории убил мальчиков вилами и закопал их прямо в амбаре, на глазах у семилетней Глории. Это преступление хранилось в тайне пятьдесят шесть лет. Глория, травмированная увиденным, вытеснила из сознания все воспоминания об ужасном происшествии, как и о постоянном сексуальном насилии. И только в шестьдесят лет она решилась сообщить о том, что начала вспоминать.

– Но полиция не нашла никаких записей о двух пропавших мальчиках из резервации, – добавил Статхакис.

– Да. И отец Глории все отрицал. Полиция ей тоже не верила. У нее была уже поздняя стадия рака поджелудочной железы, большую часть жизни она была алкоголиком и сидела на лекарствах из-за симптомов старческой деменции. Расследование было приостановлено.

– Пока ее история не попала в газету.

– Да. Журналисты привезли радар для подземных исследований. В мерзлой земле, на которой когда-то стоял амбар Лалофсов, были обнаружены какие-то неясные очертания. Новые владельцы земли дали согласие на раскопки. Были обнаружены человеческие останки – двух мальчиков, сбежавших из резервации больше полувека назад. Показания Глории подтвердили в суде, и Ханса Лалофса, которому было уже почти девяносто лет, в прошлом году осудили и посадили в тюрьму за двойное убийство и сексуальное насилие.

– Думаю, это очень много значило для Глории, которая умерла всего три месяца назад с твоей книгой в руках. Словно она дожидалась этого решения, чтобы мирно уйти в мир иной.

– Я отправила ей черновой вариант. – Голос Мэг слегка задрожал. Она прочистила горло. – Правосудие может оказывать сильный психологический и психический эффект.

– Думаешь, именно поэтому правосудие настолько важно жертвам и их семьям? Эта своего рода месть – то, что преступник пойман и наказан, – приносит чувство удовлетворения?

– Не думаю. По моему опыту, из разговоров со многими жертвами, обвинительный приговор – опустошающая победа. Тут скорее дело в чувстве освобождения. Во время расследования дела, арестов, суда жертва и ее близкие попадают в своеобразный застой. Их жизнь замирает. Но когда дело закрывают и негодяя наказывают, когда они узнают правду о том, что случилось, то наконец могут горевать свободно. Отпустить свое старое «я» и начать жизнь заново.

Ведущий недолго помолчал, потом наклонился вперед.

Мэг напряглась.

У ведущего была выработанная манера общения. Он любил застать врасплох с двусмысленным вопросом, обычно прямо под конец интервью, и камера немедленно направлялась на гостя – прежде чем тот успевал выйти из неудобной ситуации. Мэг посмотрела на часы, висевшие на стене студии. Вопрос может прозвучать в любую секунду.

– Для этой книги ты брала интервью у Ханса Лалофса.

– Я не пишу историю, пока не пообщаюсь с преступником, он – антигерой моей книги. Я всегда выбираю дело, отталкиваясь именно от него.

Или ее.

– Ты говорила, что твой идеальный антигерой, иначе говоря злодей, – тот, у кого, как кажется, есть все: привлекательная внешность, харизма, шарм, успех, любовь, богатство, острый ум, уважение, талант, – все, о чем мечтает каждый человек. Потому что он – наименее вероятная кандидатура на арест за убийство. Это делается ради продаж?

Мэг улыбнулась.

– Это делается потому, что это самое универсальное и коммерчески выгодное решение, оно задает всю структуру истории. Я училась у лучшей в нашем деле, у Дэй Ригби – она стала для меня своего рода наставницей.

– Но Ханс Лалофс не слишком вписывается в это описание, верно? Он хромой старик, хронический алкоголик, влачил жалкое существование, пытаясь выжить за счет бесплодного ранчо. Не слишком коммерчески привлекательно. – Он еще сильнее подался вперед, прямо к ней, и пристально уставился Мэг в глаза: – Так почему? Почему это дело? Чем тебя так затронула история Ханса и Глории?

Мэг сглотнула. Она чувствовала взгляд Джонаха из-за кулис, чувствовала его мысли. Чувствовала, что следующей фразой Статхакис нанесет финальный удар.

– Ну… Меня всегда изумляли искажения памяти. Как это происходит, какова их роль в криминальных расследованиях, опознаниях, судебных процессах, приговорах. Как нас может обманывать собственный разум, защищая от боли. И это дело подошло безупречно. Забытое преступление. Но не полностью стертое из памяти. В каком-то смысле оно просачивалось в подсознание Глории всю жизнь. Заставляло ее выпивать, вредить себе, не давало построить нормальных отношений. Думаю, история Глории найдет отклик в душе каждого из нас.

Две секунды Статхакис молча пристально смотрел на нее.

– Значит, это не твоя потеря памяти – собственная засевшая глубоко внутри необходимость вспомнить убийство – заставила тебя взяться за это дело?

Бах…

– Простите?

– Твоя родная сестра, Шерри Броган, была жестоко изнасилована и задушена двадцать два года назад. На тебя тоже напали и, решив, что ты мертва, бросили без сознания, лишив воспоминаний о случившемся. Твой собственный отец умер в тюрьме, отбывая срок за убийство, верно? Возможно, именно это подсознательно подтолкнуло тебя к делу Глории Лалофс? Возможно, именно поэтому ты посвятила жизнь историям о преступлениях, пытаясь понять, что творится в голове у монстров, живущих среди нас и убивающих людей? Если копнуть поглубже, то справедливость нужна тебе. На самом деле, – он мягко постучал себя кулаком в грудь, не сводя с нее пронзительных глаз, – все дело в тебе. В твоем прошлом. Ты пытаешься понять почему.

– Мое прошлое, – медленно и глухо ответила Мэг, пристально глядя ему в глаза, – никак не относится к моей работе. Я начала писать о преступлениях в колледже, когда изучала английскую литературу и психологию. В кампусе произошел бунт студентов. Я оказалась свидетелем этой истории. Я написала об этом в университетскую газету. Я писала о продолжении этого дела в университетскую газету и в «Таймс». Потом, пока была студенткой, продолжала работать как фрилансер. После выпуска мне предложили работу в «Таймс».

– Ясно. – Статхакис откинулся назад. Снова эта улыбка. – Но ведь нельзя отрицать, что все мы – порождения нашего прошлого, верно, Мэг? Как бы мы ни

пытались это замаскировать, нас формирует подсознание. Когда-нибудь ты напишешь ее, историю Шерри Броган? – Он выдержал паузу. – Или эту историю ты написать не сможешь?

Краешком глаза Мэг увидела, как издатель в панике машет ей рукой: потерпи, сдержись, почти все. Джонах словно окаменел.

Мэг улыбалась, сложив руки на коленях. И молчала. Ведущие на радио и телевидении ненавидят паузы. Она смотрела ему прямо в глаза, предупреждая, что он достиг последней черты.

– В этой истории точно есть все необходимые тебе коммерческие элементы, – подсказал он. – Зловеще соблазнительный, губительно привлекательный молодой антигерой из бедного района. Парень, который работал волонтером в местном приюте для животных. Он насилует и убивает золотую девочку Шелтер-Бэй, королеву бала, навсегда расколов и изменив жизнь городка и его обитателей. Все американские ценности, вся невинность утрачена. Возможно, рассказав эту историю, ты обретешь исцеление, как Глория Лалофс. Мэг, ты никогда не боялась, что тайна, скрытая в глубинах твоей памяти, могла изменить финал и твой папа не оказался бы в тюрьме?

Она вскочила на ноги и потянулась к микрофону, прикрепленному к блузке.

Он поднял ладони вверх, словно капитулируя:

– Не переживай.

Потом улыбнулся зрителям. Видите? Я смутил знаменитого писателя детективов. Продемонстрировал вам ее уязвимые места.

Он снова поднял вверх ее книгу.

– «Незабытые грехи». В продаже с завтрашнего дня. Мэг Броган, спасибо, что присоединились к нам в «Вечернем шоу».

Прозвучали аплодисменты. В темноте началось какое-то движение. Послышался кашель.

Мэг отстегнула микрофон и бросила на стул. Она повернулась, спустилась с помоста и пошла к Джонаху и своему издателю, стуча по деревянному полу высокими каблуками, с горящим лицом. Статхакис поспешил за ней. Положил руку ей на плечо. Мэг резко повернулась к нему, пылая от гнева.

– Мы же договаривались, – тихо сказала она. – Не упоминать сегодня об убийстве моей сестры. Я не хочу, чтобы все обсуждали, что случилось с моей семьей двадцать два года назад.

– Прошу прощения…

– Да, конечно, – процедила она сквозь зубы. – Вы собирались использовать историю Шерри с самого начала, еще когда впервые заговорили о ней за сценой. Мне следовало… – Она почувствовала, как рука Джонаха обнимает ее за талию.

– Успокойся, Меган, – мягко прошептал Джонах ей на ухо, уводя ее прочь. Ее издатель встал перед Статхакисом, преградив тому путь.

– Оно того не стоит, – прошептал Джонах, выводя ее из студии.

Но слова Статхакиса преследовали ее в холоде зимней ночи.

Тайна, скрытая в глубинах твоей памяти, могла изменить финал… Или эту историю ты написать не сможешь…

* * *

– Расслабься. Все прошло нормально, – заверил Джонах, пока они с Мэг шли по набережной к ресторану на праздничный ужин. Вокруг вился ледяной ветер, принося соленый аромат океана. Фалы яхт стучали о мачты, волны раскачивали понтоны. Крошечные снежинки рождались в январской ночи и опускались Мэг на щеки. Пока они ехали в такси, по радио передали, что в Каскейдсе уже начался сильный снегопад.

– Кстати, выглядела ты сногсшибательно. А это – самое главное.

Мэг бросила на него сардонический взгляд. Он улыбнулся, и Мэг почувствовала знакомое притяжение. Темное шерстяное пальто очень шло Джонаху – сильный лоснящийся ягуар в городских джунглях. Расправленные плечи и легкая спортивная походка выдавали абсолютную уверенность в собственных неотразимости и интеллекте. Судебный психиатр, дающий частные консультации правоохранительным органам по всему миру, Джонах стал незаменимым источником информации о психопатологии реальных преступников для книг Мэг и нередко сопровождал ее на важные интервью. Плюс ко всему он обладал безупречным чувством стиля, едва заметным британским акцентом и исключительными финансовыми возможностями.

Внезапно Мэг захотелось просто прижаться к нему, расслабиться, полностью погрузиться в их отношения. Быть той женщиной, которая ему нужна. Но ее все равно не покидало чувство замкнутости, от которого никак не получалось избавиться. Напряжение. Словно слишком туго натянутый провод, готовый лопнуть в любой момент.

– Вот урод, – ругалась она, когда они начали подниматься ко входу, украшенному белыми огоньками. Порыв ветра бросил волосы ей в лицо. – Я же говорила перед интервью – убийство Шерри вне обсуждения.

Он открыл перед ней дверь ресторана.

– Почему?

Она замерла.

– Почему что?

– Почему оно вне обсуждения? Может, неплохо было бы извлечь это на поверхность, обговорить. Знаешь, возможно, он был прав, когда задал вопрос о твоих воспоминаниях в контексте Лалофса.

– Ой… Нет. Нет. Только вот не нужно твоих штучек, доктор Лоусон. Иногда люди просто совершают поступки, ладно? Не нужно объяснять все на свете детской травмой.

Но даже когда они сели за столик возле высокого окна, украшенного огоньками и выходящего на бухту, где под светом фонарей валил крупный пушистый снег, настроение у Мэг так и не улучшилось. Она положила на колени салфетку, пока Джонах просмотрел винное меню и заказал бургундское с виноградников реки Соны.

Когда официант разлил вино по бокалам и ушел, он сказал:

– Мэг, может, тебе правда стоит об этом написать. Вернуться и наконец оставить прошлое позади. Закрыть вопрос.

Мэг изумленно уставилась на него.

– Вопрос закрыт. Тайсон Мак мертв. Почему ты вообще заводишь об этом речь? – Она взяла бокал и сделала большой глоток вина.

Он приподнял бровь, пристально глядя на нее.

– Статхакис был прав насчет коммерческого потенциала, – Джонах взял бокал и осторожно повращал его. – И конец очень трогательный. Твой отец отправляется в тюрьму. Твоя мать…

– Прекрати, – низким, тихим голосом приказала она. – Немедленно.

Видимо, ее тон дал понять, что возражения неуместны, потому что Джонах замолчал, не сводя с нее темно-голубых глаз. Щеки Мэг горели, и она сделала еще один большой глоток чертового бургундского: она знала, что он заказал его, потому что они были в этом винограднике. Там он сделал ей предложение. Больше двух лет назад. И, судя по цене, это вино следовало смаковать.

– Джонах, уж кто-кто, а ты-то должен понимать, почему я не хочу затрагивать эту тему. Это личное. Мое – не для широкой общественности, не для денег. И это все позади. Боже, да прошло почти четверть века. Я больше не хочу это обсуждать. Я должна с этим попрощаться. Есть еще столько дел. Тысячи. Больные убийцы – монстры, из которых получаются самые лучшие антигерои. Материала гораздо больше, чем я смогу охватить, какого черта зацикливаться на истории Шерри? Я поставила точку много лет назад.

Она снова потянулась к бокалу.

– Нет, не поставила.

Она замерла, подняв бокал. Посмотрела ему в глаза.

– Можно, мы просто поедим? Сделаем заказ? Позовем официанта… – Она призывно подняла руку. – Кто-нибудь! Можете нас обслужить?

Он взял ее поднятую руку и медленно опустил на стол.

– Докажи мне, – тихо потребовал он.

Мэг ощутила легкий холодок дурного предчувствия.

– О чем ты? Доказать что?

Он поставил ее бокал на стол и взял Мэг за обе руки, потянувшись через белую льняную скатерть. В его глазах мерцал огонек свечи, но взгляд был холодным и колючим от настойчивости, которая ее пугала. Он повернул бриллиантовое кольцо на ее пальце, не сводя с нее глаз. Это кольцо они вместе купили в Париже.

– Выходи за меня, Мэг. Давай назначим дату. Сегодня.

Она открыла рот. Подсознательно она догадывалась, что это произойдет сегодня, и именно это было причиной ее напряженности. Растущей паники. Давящей клаустрофобии.

– Я… Вау.

Она отвела взгляд, но он обхватил ладонями ее лицо, заставляя смотреть себе в глаза.

– Мы вместе уже три года. Ты носишь кольцо больше двух лет, с тех пор, как мы дали друг другу обещания во Франции. Когда я первый раз предложил

назначить дату свадьбы, тебе нужно было заканчивать книгу, исследование. Потом был конфликт интересов на предстоящем суде. Потом путешествие. Время. Потом финансовый вопрос. – Он сделал паузу. Тишина в ресторане показалась ей оглушающей, давила на уши. Воздух сгустился, сжимая горло. – Теперь у тебя есть все. Твои книги – бестселлеры. У тебя множество предложений на новые романы. Ты независима и хорошо зарабатываешь. Преуспела по всем пунктам. Так что давай просто сделаем это. Завтра. В выходные. В следующем месяце.

Мэг побледнела. У нее закружилась голова. Она открыла рот, чтобы ответить, но подошел официант. Красивое лицо Джонаха исказилось от разочарования.

– Сэр, вы готовы сделать заказ?

– Что ты будешь, Мэг? – спросил Джонах, не взглянув ни на меню, ни на официанта.

– Гм… Я буду… Блюдо дня.

– Мне то же самое. – Он вернул меню официанту, не сводя с нее глаз.

– Из напитков больше ничего? – уточнил официант.

– Нет. – Он по-прежнему пристально смотрел на Мэг.

Когда официант ушел, Джонах произнес, медленно и тихо:

– Не можешь, да? Не можешь решиться. Посмотри на себя… Живешь в моем доме, спишь в моей кровати, но паркуешь на моем дворе свой фургон и «Джетту». Там у тебя запас одежды, резервный ноутбук. Зачем? На случай срочного бегства?

– Фургон – мой офис.

– Ты могла бы переехать в настоящий офис – с фундаментом, стенами и крышей.

– Мне нравится мобильность.

– Ты не можешь пустить корни. – Он пристально смотрел на нее. – Рано или поздно одного из монстров, о которых ты пишешь, выпустят из тюрьмы. Ты должна подумать о безопасности. О нормальном доме, о…

– У меня есть дом.

– Да, дом в Шелтер-Бэй, который сейчас пустует и, скорее всего, пойдет под снос. Он покрыт граффити и привлекает бездомных, тебе уже приходят предупреждения от властей города.

– Я собиралась его продать, но он в плохом состоянии – в таком виде его никто не купит.

– Так снеси его, бога ради! Ведь у тебя есть деньги. Избавься от этого пристанища призраков.

– Возможно, тетя захочет туда вернуться…

– Мэг, о чем ты? Ирен живет в пансионате, под присмотром. Прогнозы не самые радужные. Через несколько лет тебе будет сорок. Мне уже сорок. Самое время начать новый этап жизни.

– Джонах, что ты пытаешься мне сказать? Что пора повзрослеть? Потому что, может, я…

– Я пытаюсь сказать тебе, что период роста в жизни длится лишь определенное время, Мэг. Только в определенном возрасте можно зачать ребенка. Мы говорили о них – о детях. О семье.

Тик-так. Биологические часы.

Она глубоко вздохнула, начиная злиться, чтобы таким образом заглушить болезненную правду в его словах.

– Ты даже ни разу не съездила навестить Ирен с тех пор, как она переехала в пансионат. Не возвращалась домой восемнадцать лет. Ты не можешь пустить

здесь корни, но вернуться туда тоже не можешь. Видишь? Ты еще не закрыла вопрос. Дело не в работе. Дело в твоих проблемах с доверием, ты не можешь подпускать к себе людей. Пытаешься установить связь, но при этом всех отталкиваешь. Отталкиваешь меня.

Официант принес еду. Мэг невидящим взором уставилась на тарелку. Стало трудно дышать. Кожа горела.

– Если ты спросишь меня…

– Я тебя не спрашиваю.

Он все равно продолжил:

– Именно это и привело тебя в криминальную рубрику «Таймс».

Жар из груди выплеснулся на лицо. Проклятие рыжих людей. Генетическая аномалия, вынуждающая выставлять все эмоции напоказ.

– Джонах, почему именно сегодня? Почему сегодня?

– Потому что пора. Предел достигнут. Я хочу на тебе жениться. Либо мы пересечем черту и пойдем вперед. Сегодня. Вместе. Либо признаем: этому не бывать никогда. – Он ненадолго умолк. Его голос стал тише. – Мэг, я хочу быть с тобой. Прожить вместе жизнь, создать семью. Я устал топтаться на одном месте. Находиться в застое. Разве не ты говорила Статхакису о жизнях в лимбе, жизнях, не нашедших завершения? Именно так я чувствую себя в наших отношениях. Если тебе нужно вернуться в Шелтер – Бэй и написать о сестре, то позволь мне тебе помочь.

– Знаешь, – прошептала она, – иногда я реально тебя ненавижу. Когда ты порешь всю эту галиматью, это метафизическое дерьмо, иногда… Иногда мне кажется, что ты со мной, потому что я для тебя – живой тестовый экземпляр. «Невеста в чашке Петри». – Она гневно изобразила кавычки. – Травмированный щенок-найденыш, которому, как ты думаешь, ты можешь помочь и «спасти» его, ведь ты видишь себя альтруистом, доктор Лоусон из королевства поврежденных умов и душ. – Она наклонилась вперед. – Но ты знаешь не хуже меня – чистого

альтруизма не бывает, правда, Джонах? Ты делаешь это, потому что тебе от этого хорошо, ты чувствуешь себя правильным. Мессией.

Он откинулся назад, потирая бровь. Она задела его. Мэг любила Джонаха, но не могла остановиться, снова и снова вонзая и поворачивая нож. Ее охватили необъяснимый ужас и паника. Саморазрушительное стремление к уничтожению. Она неслась по тоннелю, все набирая скорость, и не могла остановиться.

– Возможно, – мрачно сказала она, – у меня возникли некоторые проблемы с доверием после того, как ты оттрахал Джен Мациони.

Он вздрогнул, посмотрел в окно, глубоко, сдержанно выдохнул. Как всегда, чертовски сдержанный. Взял бокал. Сделал глоток вина, держась за ножку. И заговорил мягким голосом побежденного:

– Мы это уже обсуждали. Ты знаешь, почему так случилось.

Ее охватила обида. Для него это так легко – заполнить постель другой женщиной…

– Джонах… – Она потянулась к его руке.

Он убрал ее.

– Нет, Мэг. Не надо. Не сейчас.

– Что?

– Сбивать меня с толку. Так ко мне прикасаться. Пытаться переключить меня на секс, чтобы заткнуть.

Наконец, проблеск гнева. В его глазах. В этом лице, в теле, что ее привлекает, этом мужчине, которого она любит, но не может установить с ним истинную связь. Словно она страдает аутизмом. Он нужен ей, но не меньше ей нужно бывать одной. И она никак не могла найти чертов способ совместить эти две потребности, воюющие у нее внутри. Боль встала комом в горле. Она крепче сжала губы.

– Назови дату.

– Я… Я не могу. Не сегодня. Я…

Его рот превратился в жесткую линию.

– Если не сегодня, то когда?

– Мне… Кажется, мне нужно подышать воздухом.

Она встала. Голова закружилась еще сильнее. Она оперлась рукой об стол, чтобы не упасть.

– Мэг. – Он крепко сжал ее запястье. – Если ты уйдешь сейчас, выйдешь из ресторана, то все кончено. Ты это знаешь. На этот раз действительно все.

Она смотрела на его руку, сжимающую запястье.

Он медленно отпустил. Она неуверенно повернулась. И ушла.

На ватных ногах прошла входную зону, толкнула дверь, и прямо в лицо ударил ледяной ветер с острыми снежинками, летящими с чернильного моря.

Она схватилась за перила, чтобы не упасть. От ветра у нее заслезились глаза, но она не плакала. Не плакала с того дня, как отца посадили в тюрьму. А мать свела счеты с жизнью. Голыми руками Мэг вцепилась в ледяные перила. И ждала. Ждала, что позади нее распахнется дверь, и выйдет Джонах. Чтобы отвезти ее домой.

Где они займутся бурным сексом. Потому что обычно именно так и происходило, если они затрагивали эту – или любую другую острую – тему. Когда она пыталась избежать скрытой правды: что она больна на всю голову и не способна позволить кому-либо себя полюбить. И отказывается нуждаться – по-настоящему нуждаться – в ком-либо снова.

Но дверь оставалась закрытой.

Он не пришел.

Она знала: на этот раз он и не придет. На этот раз все действительно кончено.

Глава 2

Три дня спустя.

Побережье Орегона.

Мэг смотрела в лобовое стекло сквозь дуги дворников. Капли дождя серебрились в свете фар. Дорога была одинокой, черной, из-за деревьев струился потусторонний туман. Лианы душили и обвивали прибрежные сосны, перекрывая ток соков, захватывая все на своем пути, словно шла война с гималайской ежевикой – место постепенно поглощали чужеземные растения-захватчики и многочисленные лианы.

В ночи засверкали указатели. ДЖЭРХАРТ, СИСАЙД, КЭННОН-БИЧ, МАНЗАНИТА…

Живот сжался от волнения.

Ты счастлива?

Джонах задал этот вопрос осенью, когда они ездили на тыквенное поле и бегали среди зарослей кукурузы с двумя его племянницами. Он схватил ее за руку, обнял и повернул к себе лицом, горячо поцеловал в губы в уединенности кукурузных стен. С блестящими глазами. И холодными руками.

– Конечно, счастлива, – ответила она.

С чего бы не быть счастливой? У нее есть литературное признание, финансовый успех. Здоровье. Силы. Она искрится энергией, жаждет сделать карьеру. Отхватила мужчину, которого «Сиэтл таймс» объявила самым завидным холостяком северо-запада. Мужчину, который напоминает загадочного,

молчаливого Хитклиффа из «Грозового перевала»[1 - Главный действующий персонаж романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».]. Мужчину, который невероятно богат, независим и, несомненно, глубоко ее любит.

Или любил.

Они познакомились около трех лет назад, когда она брала у него интервью для одной из книг. Он консультировал полицию по этому делу и свидетельствовал в суде по поводу психического состояния серийного сексуального садиста.

Ее Джонах был проницательным наблюдателем за человеческой природой, вечным исследователем психики. Страстным наблюдателем – и тем прохладным октябрьским днем он наблюдал за ней. Он увидел что-то в глубине ее глаз, какую-то тень, пока она гонялась за его племянницами в зарослях кукурузы. Две сестры с разницей в четыре года, как было и у них с Шерри, – и старшая была очень красива и грациозна. А младшая, застенчивая девчонка-сорванец, была беззаветно предана сестре. Неуклюжая маленькая тень.

Тень Шерри – так когда-то называли Мэг. Маленькая рыжеволосая сорвиголова, вечно следующая за золотым светом Шерри. Сестра, боготворящая женственное очарование Шерри, – как старшая сестра улыбалась с обманчивой наивностью ребенка, манипулируя при этом людьми своим маленьким пальчиком.

– Пошли. Найдем девочек! – рванулась вперед Мэг. Жесткие кукурузные стены стали вдруг слишком тесными, а лабиринт превратился в тюрьму, откуда нужно было срочно бежать.

Но Джонах задержался еще на несколько мгновений.

– Чего ты хочешь от жизни – детей?

– Когда мы будем готовы. – Она оставила его в лабиринте в одиночестве. И побежала за девочками, а может, за своими воспоминаниями, за чем-то, сидящим у нее глубоко внутри, или, как бы сказал Джонах, снова убежала прочь. Чтобы не пускать его – никого – внутрь.

Ее охватило горячее раздражение, и руки сильнее сжали руль «Форда Ф-350». Вместе с раздражением пришло самобичевание, подобие стыда. Она протянула руку к пассажирскому сиденью, нажала кнопку записи на диктофоне и сделала глубокий вдох. Начало, просто начни сначала…

– В тот день мне не следовало врать, покрывая Шерри, – мягко сказала она в микрофон гарнитуры, вглядываясь в темноту. Фары прорезали в тумане узкие тоннели. Она проехала араукарию, увитую плющом. – Не следовало ее выгораживать…

В свете фар появился знак, надпись сверкала светоотражающей краской. ШЕЛТЕР-БЭЙ. ПЯТЬ МИЛЬ.

Какое-то животное перебежало дорогу. Она резко ударила по тормозам, машину занесло на гравий. У Мэг екнуло сердце. Снаружи вокруг нее колыхались под сильным ветром ветви. Кружились юбки хвойных деревьев.

Она смотрела на знак, и в нее проникал невнятный ужас, просыпались нейроны давно забытого страха, погружая ее разум в поросший паутиной мрак подсознания. Некогда счастливая деревушка ее юности, Шелтер-Бэй, превратилась в город воспоминаний, словно сошедший со страниц романов Стивена Кинга, в место, где за потрескавшимся туристическим фасадом притаилась тьма.

Все мы знаем, что происходит с героинями, которые спускаются вниз по ступеням в подвал, держа дрожащую свечу…

– Именно тогда все пошло не так, – мягко сказала она в микрофон. – Если бы я сразу призналась маме и папе, что Шерри уехала с ним на отмель, а не отправилась самостоятельно на ее поиски, чтобы предупредить ее, что нужно спешить домой. Убираться подобру-поздорову…

Она прочистила горло, пытаясь побороть напряжение с помощью громкого голоса, под аккомпанемент скрипа дворников.

– Сама не знаю, почему постоянно пыталась спасти Шерри. Защитить ее. Что я могла знать в тринадцать, четырнадцать лет – было ли это предчувствием? Начала ли я подсознательно замечать, когда зарождалась моя собственная

сексуальность, что сестра играет в опасные игры? Что тем летом, последним летом перед колледжем и взрослой жизнью, она слишком близко подошла к опасной черте? Потому что в конце концов, покрывая ее ложь, я подвела ее. Я подвела ее даже после смерти, потому что не могла вспомнить… Во многом из того, что случилось тем августовским вечером, была виновата именно я… И умереть должна была я, а не Шерри.

Мэг снова завела фургон и выехала на пустую дорогу. Крепко держась за руль, она поборола желание развернуться и просто уехать прочь. Потому что если она хочет написать историю Шерри, она должна вернуться. При создании книг она всегда посещала основные локации, чтобы перенести туда читателей. Чтобы они смогли увидеть и почувствовать то, что видела она. И, как и сейчас, записывала свои мысли и впечатления прямо по дороге, улавливая спонтанные реакции, которые позднее перерабатывала, интерпретировала и вплетала в холодные факты дела.

Просто еще одно дело, еще одна книга… Делай все как обычно, и будешь в порядке…

– Спорить можно было сколько угодно, но факт оставался фактом: Шерри занимала особое место в сердцах родителей. Была первенцем. Благословенным. Все было при ней. Высокая, гибкая. Золотая девочка, в отличие от меня, маленькой и рыжей. Медовый загар, не то что моя бледная кожа и веснушки, из-за которой я напоминала вареного лобстера. Открытая улыбка, веселый смех, который мог зажигать толпы. Рядом с ней людям было хорошо. Она только что окончила школу, получила стипендию для учебы в Стэнфорде. Королева выпускного бала. С восьмого класса она встречалась с Томми Кессингером, защитником и звездой футбольной команды. Он тоже был прекрасен, как греческий бог. Поступил в футбольный колледж, мечтал попасть в национальную лигу. Молодые короли Шелтер-Бэй, мир был у их ног…

Мэг прокашлялась, преодолев очередной резкий поворот извилистой дороги. Теперь склон. Внизу искрится вода. В ее трейлер бьют порывы ветра.

– Пока в город не ворвался на крутом хромированном мотоцикле-круизере Тайсон Мак, с накачанными бицепсами и татуировками… Излучая темную сексуальность, опасность, нечто захватывающее… Пока Шерри не вскочила на байк Тая и не уехала с ним в отдаленные дюны на песчаной косе, на границу государственного национального парка. И я прикрывала ее, пока Тайсон

насиловал, душил и оставил ее мертвое тело в дюнах.

Мэг надавила на тормоз перед очередным крутым поворотом.

– После ее гибели я постоянно видела в глазах матери вопрос – почему Шерри? Я чувствовала этот вопрос в глазах всех горожан. Чувствовала себя виноватой. И носила свою вину, словно власяницу, упиваясь самобичеванием. Пытаясь обрести искупление, которое мне не суждено.

Ей вспомнились слова Джонаха.

Ты должна вернуться, Мэг, и простить себя за то, что не смогла спасти сестру. Должна понять, что ты ни в чем не виновата…

Ее наполнила горечь. Она всматривалась в нижнюю часть стекла, под щетками, пробираясь по извилистой прибрежной дороге. Справа был отвесный обрыв.

Уже близко.

Она глубоко вздохнула и сделала новую попытку. Воспоминания окутали ее, словно туман и тьма.

– Жестокое изнасилование и убийство Шерри было преступлением, осквернившим маленький городок Шелтер-Бэй…

Внизу туман сгущался. Дорога выровнялась. И вдруг показалась она. Та самая развилка. Под ветром и дождем покачивался деревянный знак «Шелтер-Бэй – дом белых дюн и дандженесских крабов».

У Мэг свело спину, ей стало жарко. Она замедлила скорость, вглядываясь в дорогу, обрамленную растущей в дюнах травой. Показались огни. Сначала старая закусочная. Мэг поехала совсем медленно. Она все еще на месте – со своей маленькой копией маяка Шелтер-Хэд, достопримечательностью, которая когда-то была символом ее дома. Они с Шерри когда-то играли в этом маленьком маяке, словно в кукольном домике посреди лужайки, пока их отец завтракал в закусочной.

Она проехала старый мотель. Изогнутый знак. Облупившаяся краска. Теперь он стал совсем никудышным. В детстве они называли его «Мотель Бейтсов». Он не сильно отличался от мотеля из старого черно-белого фильма Хичкока. Интересно, в старых тополях за отелем до сих пор гнездятся вороны, черными зловещими силуэтами наблюдающие за проезжающими машинами?

В жизни бы там не остановилась. Скорее умру, чем останусь ночевать в таком месте… Тихий смех Шерри. Мэг подпрыгнула от воспоминания, такого яркого, что она невольно бросила взгляд на пассажирское сиденье, словно там могла сидеть проекция ее сестры, возникшая из микромолекул воспоминаний.

Странно, что они никак не могут его отреставрировать. Или снести и построить заново… Сегодня ты собираешься ночевать в старом доме, Мэг?

Мэг крепко прижала ладонь к губам.

Она проехала начальную школу, спортивный центр, куда она ходила в бассейн, городские офисы, пожарный участок и свернула на Фронт-стрит. Улица была пустынна, на тротуаре блестели капли дождя, дорожные знаки покачивались на ветру. Старые здания были украшены, передним фасадам придали лоск. Старомодно. Вычурно.

Город одновременно остался прежним и изменился, думала она, медленно проезжая по улицам, шурша шинами по мокрому асфальту. Старый городишко, палимпсест со стертым прошлым, переписанным жирными, поспешными штрихами туризма и коммерции, с выросшим населением. Но как ни перестраивай место, как ни стирай пергамент, следы прежнего использования не исчезнут, а призраки прошлого продолжают шептать под обложкой настоящего.

– Тогда, после ее убийства, я все время представляла Шерри на небесах, наблюдающей за нашими жизнями, как они распутываются, подобно нитям, вытянутым из аккуратно связанных свитеров, – некоторые ряды распускались быстрее, некоторые медленнее, – в нашей борьбе с последствиями. Мама, папа. Томми и его семья. Лучшая подруга Шерри, Эмма. Блейк. Шериф Ковакс, пытавшийся привести город в порядок. Я спускалась на пляж, садилась в укрытии какой-нибудь дюны и смотрела на море, пытаясь замереть и не дышать, стать чем-то вроде пустой лодки и, может, услышать шепот души Шерри,

впустить ее в себя, услышать некое отчаянное сообщение, которое она, возможно, пыталась передать из другого мира. Может, какое-то желание. Ключ к недостающему осколку моей памяти, который расскажет всем, что же произошло на самом деле. Как все это случилось. Почему. Потому что я вспомнить не могла. То ли из-за травмы, то ли из-за перенесенного ужаса. И осколок до сих пор где-то у меня внутри – темный, острый, черный.

Иногда я действительно чувствовала, как она сидит рядом со мной в дюнах и смотрит на волны… И она шла вместе со мной домой какую-то часть пути, но всегда исчезала, когда мы подходили слишком близко.

Пока мой папа не выследил Тайсона Мака и не убил его. Пока моя мама, вообще забыв о моем существовании, не покончила от горя с собой. Пока я не стала сиротой и не плюнула на дурацкие идеи о Шерри на небесах. И о Боге. Потому что Бог, и небеса, и Шерри, и все остальные плюнули на меня.

Да ладно, когда ты вообще сдавалась, Мэгги-Пэг… Ты, маленький борец за проигранные дела и потерянных животных… Разве ты хоть когда-нибудь уступала… Ну давай, докажи мне…

По шее Мэг пробежал холодок. Она снова бросила быстрый взгляд на пассажирское сиденье. И на долю секунды почти поймала улыбку Шерри.

Черт.

Это будет непросто.

Она остановилась на красный сигнал светофора, прямо перед книжным магазином «Мистери». И почувствовала трепет узнавания. Он был все еще на месте, со своими эркерными окнами и маленькими стеклами, напоминающими о романах Диккенса. Она разглядела из-за залитого дождем окна витрину, и сердце екнуло. Ее книга. Ее новый роман «Незабытые грехи» красовался в самом центре витрины, вместе с ее портретом. Ее собственное лицо смотрело на нее сквозь мокрую от дождя витрину. Как из кривого зеркала.

Она так старалась забыть этот город, но город ее не забыл. Часть ее по-прежнему обреталась здесь. Прямо в ее любимом магазине.

Интересно, ее предыдущие книги тоже здесь продавались? Жители Шелтер-Бэй читали слова, написанные ею? Какое-то время она сидела неподвижно, со странным чувством потерянности. И вины. И внезапной тоски по чему-то давно ушедшему. По матери, по отцу. По сестре. По семье. По временам, когда она была счастлива. Временам, когда она приходила сюда поглазеть на новые книги.

Загорелся зеленый свет. Мэг глубоко вздохнула и повернула в сторону Форест-Энд, своего старого квартала. Она планировала припарковать фургон рядом со старым семейным домом, отремонтировать дом и переехать туда на время расследования и работы над книгой. Здесь, рядом с лесом, было темнее. За последним рядом домов шумели деревья. Она свернула к старому дому, осветив фарами закрытые на замок ворота. Сняла наушники с микрофоном и уставилась на яркое граффити, покрывающее стены и окна.

Натянув капюшон, она вышла, чтобы открыть ворота. Капли дождя били по спине. Мокрая и холодная цепь в ее руках была на надежном замке. Ржавом. Она пошатала ворота, но они были крепкими. Мэг снова залезла в машину и крепко прижала ладони к мокрому лицу, отказываясь впускать еще какие-либо воспоминания.

Глупая затея. Джонах, ты был не прав. Иногда, чтобы двигаться вперед, возвращаться назад не нужно. К черту все это!

Она гневно вставила ключ в зажигание. Дала задний ход, шурша колесами по гравию. И направилась на прибрежную дорогу, внезапно решив, что ей нужно в какое-нибудь теплое место. Подальше от этого городка. Этой дурацкой зимы. Джонаха. Ее жизни. Когда она слишком устанет, то остановится и поспит. В Калифорнию. В Мексику. Она может проехать через всю Южную Америку. До Тьерра-дель-Фуэго. Пока не кончится земля.

Да, она убегает. И что с того…

Но уже на выезде из города, когда дождь забарабанил еще сильнее и ветер набрал мощь Тихого океана, у нее на приборной панели загорелась оранжевая лампочка. Заканчивается топливо. Мэг с горечью выругалась и затормозила, высматривая заправку.

* * *

Мэг заехала на заправку «Милларс» и остановилась возле насоса с дизелем. К ней выбежал сотрудник. Она попросила заправить полный бак и направилась в магазинчик купить чего-нибудь горячего.

Когда она вошла под флуоресцентные лампы магазина, зазвонил звонок. Мэг сбросила капюшон, взяла с полок кое-какие продукты и налила себе кофе. Потом направилась платить к кассе, где пухлая блондинка с гладкой кремовой кожей и румяными щеками обсуживала крупного мужчину. Мэг встала в очередь за мужчиной, разглядывая его покрытые пятнами штаны, грязные строительные ботинки и черные волосы.

Он забрал с кассы сигареты и упаковку пива, повернулся и замер, увидев Мэг. Открыл, потом закрыл рот. На лице отобразилось напряжение.

Мэг сглотнула, почувствовав исходящую от него горячую, мощную энергию. Кивнула, улыбнулась. Но он лишь прищурил глаза и прошел мимо нее к двери. Она увидела в окно, как он залез в черный фургон с круглым логотипом. Задние фары загорелись красным, и он выехал на дорогу.

Воспоминание, голос возник у нее внутри. Слабый, такой слабый, что его можно было принять за скрип песка на ветру снаружи.

Подожди. Стой! Не убегай, Мэгги, не убегай!

Она замерла, внезапно пойманная в петлю времени. Почувствовала руку, схватившую ее за предплечье, пальцы, впившиеся в нагую кожу, ужас, застрявший в глотке…

– Это все?

Вопрос продавщицы вернул ее в реальность. Все еще в смятении, она положила покупки на кассу – сэндвич, пачку картофельных чипсов, кофе. Газету. Запакованный кекс с кремовой начинкой, который она планировала съесть прямо на месте.

– Ужасная ночь для путешествий. Просто проезжаете мимо?

Мэг засомневалась, внезапно почувствовав приступ усталости.

– Вообще-то, – ответила она, выдавливая улыбку, – надеюсь подыскать для ночлега чистый мотель. Или место, где можно припарковать трейлер.

Продавщица посмотрела на фургон Мэг, припаркованный снаружи. Были прекрасно видны вашингтонские номера.

– Кемпинг в шторм – не самая лучшая затея, – заметила она, складывая продукты в пакет. Мэг протянула ей кредитку. – В любом случае городская парковка сейчас закрыта, не сезон. На северной окраине города есть мотель «Ван Пайн». Низкобюджетный.

Мотель Бейтсов… В жизни бы там не остановилась… Скорее умру, чем останусь на ночлег в таком месте, Мэг.

Ты и так мертва, Шерри.

– Еще есть новый бутик-отель в Ваками-Коув, соседнем городке, если вам нужно что-нибудь поприличнее. Довольно дорогой. – Она отдала Мэг карту и чек для подписи. – Он открылся прошлым летом как часть новой программы по развитию побережья компанией «Кессингер-Спроатт». И еще внизу, в бухте, есть «Буллс Марина».

Мэг резко подняла взгляд.

– У них есть домики, но не знаю, открыты ли они зимой.

– Отель Булла Саттона? До сих пор работает?

– Вы знакомы?

– Я… Была здесь много лет назад. – Мэг взяла пакет с продуктами, но замешкалась. – Тот мужчина, который только что уехал… Вы его знаете?

Взгляд продавщицы стал подозрительным, и она слегка нахмурилась, обдумывая вопрос Мэг.

– Ничего такого. Просто он… Показался мне знакомым, вот и все. – Мэг кивнула на пакет. – Спасибо.

Но когда она уже была в дверях, женщина крикнула ей вслед:

– Его зовут Мейсон Мак.

Мэг замерла. Сглотнула. По спине пробежал холодок. Стараясь говорить спокойно, она ответила:

– Значит, я обозналась.

Она вышла на улицу в прохладный туман. Ее кожа была горячей, в крови пульсировало электричество. Дождь громко барабанил по жестяной крыше. Она залезла в машину и мрачно посмотрела в сторону, куда уехал фургон мужчины. В ее мозгу раздался почти беззвучный вой, напоминающий скрип пальца о хрустальный бокал.

Мейсон Мак.

Дядя парня, который изнасиловал и задушил ее сестру. Парня, которого пристрелил ее отец. Из-за которого ее папа умер в тюрьме.

Она завела машину. Большой дизельный мотор ожил. Она подождала несколько мгновений, пока в кабине станет тепло, разорвала пакет с кексом и умяла вредное лакомство в два счета, наслаждаясь сахаром, поступающим в организм. Сделала глоток кофе и почти почувствовала себя человеком, вой в голове медленно умолкал. Но когда она выезжала с заправки, то увидела в зеркале заднего вида, как продавщица подходит к окну и смотрит ей вслед.

Мэг все еще было не по себе от поведения продавщицы и внезапной встречи с Мэйсоном Маком, когда она подъехала к Т-образному перекрестку с прибрежным шоссе. Один знак указывал на юг, на Ваками-Коув. Другой – на север, обратно в город.

Ее поразил очередной приступ воспоминаний, на этот раз знакомый голос казался громче:

Подожди. Стой! Не беги, Мэгги, не беги!

Горячая паника наполнила желудок. Она вспомнила голос Шерри…

Прикрой меня, Мэг. Ты не пожалеешь… Просто скажи маме и папе, что мы идем на тот новый фильм… Сделай это для меня… Смотри, у меня есть деньги…

А потом – бах… Еще одна картинка. Черные тени на ослепительно-белом фоне. Приступ острой боли в затылке. И все. Деревья в свете фар вдруг резко наклонились от ветра, в лобовое стекло полетели ветки и листья. Мэг подпрыгнула, резко вернувшись в настоящее. Откуда-то из глубин подсознания к ней подползал черный влажный ужас. Она почувствовала острую инстинктивную потребность бежать. На юг. Но вместе с тем – необходимость остаться и принять бой. Взглянуть ужасу в глаза.

Докажи. Докажи, что можешь пройти этот путь и обрести жизнь, которую заслуживаешь.

Ты не навещала тетю с тех пор, как она переехала в этот дом.

Она крепко схватила руль. Хорошо, чертов городишко. Не хочешь отпускать меня, тогда получай. Сжав зубы, она повернула на юг, на Шелтер-Бэй, заставляя себя вернуться. Через милю повернула снова, в сторону океана, на извилистую дорогу вниз, к бухте.

И наконец увидела его. Слабо пробивающийся сквозь дождь и туман пульс луча маяка, стоящего на темных скалах Шелтер-Хэд. Ориентир. Предупреждение. Двойное послание, летящее над черными водами моря.

Наконец она спустилась вниз и увидела пристань. Среди других построек мигал под дождем неоновый знак: «Буллс Марина и кафе Крэбби Джек».

Резко всплыло новое воспоминание и вцепилось острыми когтями ей в грудь. Блейк, целующий ее на причале. Она говорит ему, что уезжает. Отчаяние,

свирепость в его глазах, он умоляет ее остаться, хотя бы попробовать. Он ушел в армию на следующий день после ее отъезда. Стал медиком. С тех пор она о нем ничего не слышала.

Его старший брат Джефф тоже уехал, как и многие другие одноклассники Шерри. Ее убили, когда в жизни ее ровесников пришло время перемен, но Мэг казалось, что жестокое убийство сестры спровоцировало перемены в этом городе, в жизни его обитателей.

Интересно, кто-нибудь из братьев Саттон вернулся домой, навестить отца? Булл управляется с пристанью один? Ему сейчас должно быть около семидесяти – как и ее отцу, если бы он был жив.

Снова крутой поворот.

На въезде висела небольшая табличка «ЕСТЬ СВОБОДНЫЕ МЕСТА». Мэг нажала на тормоз и, немного поколебавшись, повернула руль в сторону крутого неровного спуска к воде.

Она понимала, что только что сделала первый серьезный шаг навстречу своему прошлому, навстречу книге о Шерри. Окунулась в сумрак собственных воспоминаний. Потому что сейчас она поговорит с Буллом Саттоном. Он спросит, зачем она приехала, и она задаст вопрос, что он помнит о дне, когда они с Шерри пропали. Спросит о его сыновьях. И он даст ей их адреса.

Теперь пути назад нет…

Глава 3

Мэг натянула капюшон, вылезла из фургона и побежала под ливнем в офис. Внутри горел тусклый свет. Она попыталась открыть дверь. Закрыто. Заглянула внутрь, приложив руку к холодному стеклу. С тех пор как она покинула Шелтер-Бэй, мало что изменилось – касса, крабовые сети и другое снаряжение на стенах. Спасательные жилеты. Старинная стойка для открыток. Несколько полок туристической всячины. Позади – ступени, ведущие в жилую часть.

Холодильники для напитков, стоящие вдоль прохода, некогда ведущего в кафе, которое теперь было на ремонте – посреди пустого помещения стояла стремянка, на полу валялись какие-то тряпки.

Мэг отошла от входа и, придерживая капюшон от дождя и ветра, заглянула на верхний этаж, где жили Саттоны. Там горел свет. Она почувствовала запах дыма из каминной трубы. Дома кто-то был.

Залаяла собака.

Она засомневалась. В тумане простонал корабельный гудок. Прогремел гром, дождь полился с новой силой. Мэг осторожно побежала обратно к фургону, стараясь не наступать в лужи. Зарегистрируется завтра утром.

Внутри трейлера она стряхнула с одежды воду, натянула флисовую куртку и включила газовый обогреватель. Он щелкнул и ожил, шумно выдувая воздух. Пока комнатка согревалась, Мэг расстелила постель, расправив свой пуховый спальный мешок. Фургон раскачивался от ветра, дождь барабанил по крыше. Пытаясь согреться, Мэг налила себе маленький бокал бренди, сделала глоток и посмотрела на телефон. Некоторое время она раздумывала, звонить ли.

Наконец, накинув на плечи плед, Мэг решилась и нажала кнопку быстрого набора.

Джонах ответил на четвертом гудке, слабым, заспанным голосом.

Она посмотрела на часы и вздохнула.

– Это я, – сказала она.

– Мэг. Где… Куда ты пропала? Я искал тебя два дня.

– Шелтер-Бэй, – вздохнула она. – Я вернулась домой.

Молчание. Потом шуршание, судя по звуку, одеяла. У нее участился пульс. Когда он заговорил снова, то голос зазвучал иначе, словно он перешел в другое место.

– Ты в порядке, Мэг?

– Я… – Она прикоснулась к помолвочному кольцу на пальце, вспоминая последние слова Джонаха, когда она снова пыталась с ним поговорить.

Оставь себе. Мне оно не нужно… Это просто напоминание о том, что у нас не получилось. Мне не нужен такой трофей.

– Я буду в порядке.

– Что ты там делаешь?

– Собираюсь доказать, – тихо сказала она. – Написать ту историю, которую я, как все уверены, написать не могу. Собираюсь вернуться в прошлое, проработать его и распрощаться с ним. И точка.

Долгое молчание.

– Ты сможешь?

– Да. Нет… Не знаю. Но хочу попробовать. И еще, Джонах… – она закрыла глаза, стараясь совладать с эмоциями, – когда я закончу, допишу до конца, я вернуть в Сиэтл и… – в горле вдруг встал комок. Она сделала паузу, чтобы собраться. – Надеюсь… Ты еще будешь там.

Мягкое ругательство.

Она закрыла глаза.

– Мэг…

– С кем ты?

– Я… Послушай, Мэг… Это ты отказалась от меня. От нас. Ты решила положить конец нашим отношениям.

Она крепче закрыла глаза, почувствовав жгучую боль в груди.

Он был терпелив, так терпелив, а я просто все разрушила…

– Я поехала в Шелтер-Бэй, потому что хочу снова тебя завоевать, – мягко произнесла она. – Хочу все то, о чем ты говорил. Детей. Семью. Нормальный дом – со стенами и крышей. Я хочу найти путь вперед, и я хочу быть с тобой.

– Мэг, я… Я всегда буду любить тебя. Ты знаешь?

Трясущимися руками она нажала на отбой.

Черт. Она с силой провела пальцами по лицу.

Что же я наделала…

* * *

– Эй, Люси, девочка, что случилось?

Блейк Саттон сбежал в носках по ступеням, услышав оживленный лай. Он потрепал черного лабрадора и зашел в слабо освещенный офис. Прижал ребро ладони к стеклу и вгляделся в темноту. Ему показалось, что он услышал стук, но сильно гремел гром. Дождь грохотал по жестяной крыше, и старая деревянная постройка скрипела, как древний корабль в шторм. Буйки, привязанные к балкам снаружи, выстукивали ритм под ветром, под аккомпанемент низких стонов корабельных гудков.

Над заливом ударила молния, и он заметил фигуру в капюшоне, в блестящей мокрой куртке, бегущую вдоль ограды над гаванью и залезающую в фургон, прицепленный к темному грузовику. Внутри загорелся свет, но шторы были закрыты.

Блейк понаблюдал еще несколько минут. Никому в здравом уме в голову не придет обустраиваться в кемпинге в такое время. Скорее всего, это просто остановка в пути.

– Папа! – послышался сверху голос Ноя. – Ты мне почитаешь? Ты обещал!

Услышав голос его сына, Люси бросилась обратно, вверх по ступеням.

Блейк сомневался, наблюдая, как за шторами фургона движется тень. Снова сверкнула молния, ударил гром, зарокотав в темноте ночи, словно великан. Интересно, будут ли они здесь завтра утром или уедут, не заплатив. Впрочем, неважно. На данный момент главное для него – это сын. Это осознание далось Блейку непросто. Слишком непросто – и чтение перед сном было одной из немногих вещей, объединяющих его сейчас с восьмилетним сыном.

– Конечно, малыш, – отозвался он. – Будь готов, я уже поднимаюсь!

Наверху послышался топот ног в носках, сопровождаемый цоканьем собачьих когтей. Блейк выключил внизу свет. Он зарегистрирует пришельцев завтра, если фургон еще будет на месте.

Поднявшись наверх, он улегся на подушки у изголовья, Ной устроился рядышком под одеялом, Люси легла тяжелым бревнышком в ногах. Блейк театрально откашлялся и начал:

– Давным-давно…

– О боже, папа, это для маленьких. Прочитай нормальную историю.

Блейк украдкой улыбнулся. Ноя было непросто развеселить. И он начал читать последнюю книгу из приключенческой серии для мальчиков, пока снаружи сверкали молнии и грохотал гром. Во время чтения Блейк иногда возвращался мыслями к трейлеру, задаваясь вопросом, кто там остановился и останутся ли они до утра.

* * *

Джонах взял свежее белое полотенце из стопки, которую каждый день оставляла для него домработница. Голый, он направился к стеклянным раздвижным дверям во всю стену. За стеклом блестела под каплями дождя темная поверхность вписанного в ландшафт бассейна. Туман размывал вид на

океан, и сияние огней на противоположном берегу казалось жутковатым. Джонах взялся за дверную ручку.

– Что ты делаешь?

Он замер и обернулся через плечо. Джен Мациони приподнялась на локте, в слабом свете свечей колыхнулись маленькие бледные груди. Она снова перекрасилась в блондинку. Волосы лежали у нее на плече спутанным клубком.

Она была красива. И хорошо трахалась. И не хотела никаких отношений, кроме горячего секса в постели. Джонах покачал головой. Зря он ответил на звонок Мэг. Она не могла понять эту его сторону – потребность Джонаха в тактильном контакте, когда он был обижен. Для Мэг было немыслимым, что он мог просто спать с женщиной, и ничего больше. Помимо того, это она ясно дала понять, что три года их совместной жизни подошли к концу. И теперь эта сногсшибательная новость – он и не подозревал, что Мэг движется в этом направлении. Он пока не понял, как относиться к факту, что она вернулась в Шелтер-Бэй. И почему она это сделала.

– Хочу поплавать, – равнодушно ответил он. – Пойдешь?

Джен гортанно засмеялась и снова свалилась в подушки, расправив руки, словно купаясь в безграничном блаженстве. Этой женщине было комфортно в собственном теле, и у нее были основания для этого. Она пробегала минимум сорок миль в неделю, у нее был черный пояс по карате, она преподавала крав-магу, практиковала осознанную медитацию и ела только растительную пищу. Ее физическая форма была безупречна. Умственные способности – внушительны. Джонаху пока не удалось выяснить, что за уязвимое место она так тщательно скрывает за щитом безукоризненности.

– Я пока погрею кроватку, чтобы тебе было тепло, когда закончишь плавать. – Она подняла колено, чтобы продемонстрировать треугольник между бедрами с бразильской эпиляцией.

Он почувствовал, как возбуждается, и слишком сильно рванул дверь. Внутрь хлынул прохладный ночной воздух, и разгоряченное тело напряглось.

Холодный дождь моросил ему на спину, но Джонах плавал, пока не заболели мышцы. Вернувшись в дом, он не почувствовал облегчения.

Вытирая полотенцем волосы, он подошел к кровати. Джен села, опустила ноги на пол, широко развела бедра и взяла его за руки. Привлекла его к себе, опустила голову и принялась дразнить его член кончиком теплого языка. Он почувствовал стон, рождающийся в груди, и кровь, разжигающую страсть. Эрекция нарастала. Конфликт усиливался.

Он резко схватил ее, крепко обхватив руками за плечи.

Она подняла взгляд, посмотрела на него из-под густых ресниц.

– Хотите еще, док? – прошептала она.

– Вы всегда великолепны, детектив.

Она отстранилась.

– Ага, только недостаточно, чтобы исключить из твоей системы ее. – Она взяла одеяло, обернулась им и несколько секунд безотрывно смотрела на него. – Думаю, ты ее любишь. Правда любишь.

Он фыркнул.

– Хочешь выпить?

– Мне двойную порцию.

Он обернул вокруг талии полотенце и налил два бокала виски «Балвени» тридцатилетней выдержки, выдержанного в бочках из традиционного дуба и из-под хереса, – на данный момент своего фаворита. Добавил в ее бокал немного льда. Поставил хрустальные бокалы на низкий столик возле камина, и она присоединилась к нему, протянув ноги на оттоманку, поближе к огню. Сделала глоток, вздохнула от удовольствия и запрокинула голову назад. Потом повернулась и посмотрела Джонаху в глаза:

– Ты живешь как в роскошном отеле, ты в курсе?

Он криво улыбнулся.

Снаружи дождь превращался в снег.

– Итак, Джонах, почему ты отпустил ее?

Вечно оценивающий, допрашивающий коп. Эта женщина никогда не расслаблялась. Она была одним из лучших детективов по убийствам в городе, с докторской диссертацией по психологии и пугающим рейтингом раскрытий. Джонах жалел бедных панков, которые сталкивались с другой стороной сержанта-детектива Джен Мациони.

Он встретил ее взгляд. Она была для него хорошим другом, и он ее очень уважал. Не следовало вот так снова ложиться с ней в постель. Хотя как психиатр он понимал, зачем это сделал.

– Потому что она не хотела остаться, – ответил он наконец. Сделал большой глоток напитка, наслаждаясь теплом от алкоголя, разливающимся в груди. – Кажется, я знал это с самого начала. Может, просто надеялся, что ошибаюсь. Скажи, – сказал он, переводя разговор на более безопасную почву, – есть какие-нибудь подвижки по делу с отрезанными ступнями?

– Утром жду звонка от начальства. Они хотят привлечь твою команду. – Она допила виски и сбросила одеяло на пол. Подошла к своей брошенной в кучу одежде, надела юбку, блузку, кобуру. Натянув поверх куртку, Джен собрала волосы в хвост быстрым движением рук.

Она подошла и страстно поцеловала его в губы. И прошептала на ухо:

– Ты можешь заполучить любую женщину, какую захочешь, Лоусон, и ты об этом знаешь. Время лечит все. Отпусти ее.

Проблема заключалась в том, что он не хотел любую женщину. Он хотел рыжую сумасшедшую, которая писала книги в своем трейлере и которой было плевать на его богатство. Которая совсем не вписывалась в его стиль жизни. Может, он

хотел ее именно поэтому?

В любом случае его тяготило тяжелое, мрачное предчувствие, что он совершил роковую ошибку, заставив ее вернуться домой, в свое прошлое.

Джонах потягивал виски, размышляя, следовало ли предотвратить возвращение Мэг в Шелтер-Бэй. Мэг Броган не из тех, кто пасует перед испытаниями. Если она чего-то хочет.

Только он сомневался, что она действительно хочет его.

Глава 4

Мэг резко проснулась и какое-то время прислушивалась, пытаясь определить, что ее разбудило. Ветер замер. Все стихло. Она по-прежнему слышала заунывные корабельные гудки, но теперь еще удавалось разобрать шум волн, бьющих о волнорезы в устье бухты. Она спустилась с кровати. Часы над плитой показывали три часа ночи.

Натягивая свитер, она отвела штору и выглянула в окно. По небу стремительно неслись облака, сквозь них сияла почти полная луна, серебря воду и придавая призрачность песчаным дюнам на противоположном берегу. Дюны, за которыми нашли Шерри. Мэг дрожала, растирая руки, зависнув в мгновении между прошлым и настоящим, в ловушке между ужасными воспоминаниями и красотой бухты, которая некогда была ее домом. Маленькая гавань словно замерла во времени. Вернуться сюда – словно снова попасть в прошлое.

Она задумалась о Блейке. Он был для нее воплощением этой бухты.

Она активировала звук на термостате, включила плиту и поставила чайник, чтобы заварить чай. Раз она не может заснуть, можно заняться планом действий. Это лучше, чем просто лежать и думать. Утром она первым делом поедет к тете в пансионат. Возьмет у Ирен ключи от ворот и от дома. Осмотрит развалюху, составит список работ. Заедет в офис к агенту по недвижимости. И одновременно можно будет работать над историей, планировать интервью,

зайти в полицию, в суд и раздобыть результаты вскрытия.

Мэг села за маленький столик. Сделала глоток чая, раскрыла ноутбук и начала составлять список «основных участников» – людей, которые принимали непосредственное участие в деле ее сестры. Задачей было узнать, кто из них до сих пор живет в Шелтер-Бэй. Если они здесь больше не живут, нужно раздобыть их контакты и отыскать их. Но эпицентром событий все равно остается это место. И, несмотря на эмоции, история должна быть простой – она прожила ее сама и знает это. Нужно просто рассказать ее голосами всех участников.

Первым в списке был шериф Айк Ковакс, который вел расследование. Судмедэксперт. Старый окружной прокурор. Адвокат Тайсона Мака. Хорошо бы взять интервью и у отца Тайсона Мака, Кивана Мака. Ей вдруг вспомнилась встреча с Мейсоном Маком в магазинчике на заправке. Враждебность в его глазах. По коже пробежал холодок. Ей вспомнились слова учителя.

Будь осторожна, если ты хочешь писать о настоящих преступлениях, тебе придется говорить с людьми, которые пережили нечто ужасное.

Она внесла в список имена Кивана и Мейсона.

Еще она хотела поговорить с Буллом Саттоном, который возглавлял инициативную группу поиска сестер Броган в тот роковой день. И с Дейвом Коваксом, сыном Айка, который был помощником шерифа и одним из первых оказался на месте убийства. И еще с кем-нибудь из спасательной поисковой группы шерифа, и с врачом, который ее лечил. С женщиной-полицейским, которая допрашивала ее в больнице. И отцом Джоном МакКинноном, который пытался помочь ее родителям, набожным католикам, прийти в себя после случившегося, но тщетно, потому что око за око, зуб за зуб явно было сильнее не убий… Мэг подумала и добавила имя Блейка. Она узнает, как с ним связаться, у Булла. Она не слишком хотела говорить с Блейком, но, с другой стороны, понимала, что придется, если делать все как следует. Ведь ее нашел именно Блейк. Спас ей жизнь. И не единожды.

Она взяла кружку и сделала глоток чая, глядя на мигающий курсор и слушая знакомый шум волн. Следующей в список попала Эмма Уильямс, лучшая подруга Шерри. В тот день Шерри сказала Эмме по телефону, что собирается на косу с Тайсоном Маком, чтобы вступить с ним в «запретную» связь. Разумеется, Томми

Кессингер. Парень ее сестры стал к тому времени близким другом их семьи. Они тесно общались со всем его семейством. Все были уверены, что однажды Кессингеры станут их родственниками. Мэг глубоко вздохнула, подумав о встрече с Томми. Почесала бровь. Будет непросто. Но она уже ступила на этот путь. И не свернет обратно до самого конца.

Она принялась за черновые заметки, черпая факты из своих воспоминаний, и начала с того, что ей рассказывал Блейк о том роковом дне, когда они с Шерри пропали.

Чужак среди нас

Мэг Броган

БЛЕЙК

Прошло уже два часа, а Мэг еще не появилась. Туристы возвращаются на пристань, у них в лодке – ведро с огромными крабами. Блейк постоянно поглядывает на море, помогая улыбающимся и загорелым гостям пришвартоваться и высадиться на берег. На воде становится прохладно, по косе, куда направилась Мэг, медленно проплывает облако густого тумана. Из теней постепенно начинает сгущаться полумрак, и свет меркнет.

Любопытство Блейка перерастает в волнение. Он был не так уж и тайно влюблен в Мэг Броган все лето, а в каком-то смысле гораздо дольше – по-дружески, по-детски. Юная любовь трудна. Пылкая, страстная, переменчивая. Для Блейка – Мэг и есть лето. Она – океан. Она – охота за крабами. Она – сердце этой бухты. Именно она пробуждает у него желание вгрызаться в жизнь с волчьим аппетитом, откидывать голову и хохотать с полным ртом красных ягод. Из-за нее он не спит по ночам, лежа в кровати и глядя на серп луны, прислушиваясь к ритмичным ударам собственного сердца.

Ему шестнадцать. Ей почти четырнадцать. И их отношения перешли на сложный, головокружительный, зыбкий этап. Это лето усложнилось поцелуем со вкусом соли и арбуза. Прикосновением его руки к голой груди.

На материке, за прибрежной дорогой, в квартале у леса стоит резиденция Броганов, классический, отделанный винилом двухэтажный дом, окруженный любовью и тщательной заботой. Ухоженная лужайка. Маленькие прелестные клумбы. Купальня для птиц во мхе и самодельные скворечники, висящие на огромном каштане, который дарит тень в жаркие летние дни, а еще веревочная лестница, ведущая в окно спальни на втором этаже.

С заднего двора пахнет дымом от барбекю. Отец Мэг, Джек Броган, пьет имбирное пиво из охлажденной в морозильнике кружки. Он следит за огнем, потягивает напиток, наслаждается сладким ароматом свежескошенной травы. В дальнем конце сада пускает водяные арки дождевальная машина. Это их последнее лето вместе. Буквально через неделю они с Тарой, матерью Мэг, повезут Шерри в Стэнфорд.

Тара Броган готовит булочки для бургеров. Она поглядывает в окно, услышав любой звук: шуршание шин, крики, смех… Тара начинает волноваться, куда пропали дочери. Они отправились в город смотреть новый фильм. Небо покрывается облаками, начинает накрапывать дождь. Внезапно налетает ветер, он дразнит, испытывает, кружится, приносит стену густого морского тумана, которая с мрачным весельем наползает с бухты и движется по улицам города и окраин. Капризы переменчивой прибрежной погоды.

Джек переносит барбекю под крышу. Становится темно. Дождь усиливается.

Тара берется за телефон. Сначала она звонит лучшей подруге Шерри, Эмме. Ее нет дома. Тара находит кого-то, кто был в кинотеатре. Никто не видел там Шерри и ее младшую сестру Мэган. Волнение перерастает в тревогу. В городке на побережье Орегона начинается шторм. Со стороны Шелтер-Хэд раздаются корабельные гудки. По радио передают, что ожидается его усиление.

Круг обзваниваемых расширяется, друзья звонят друзьям. От паники у Тары темнеет в глазах и белеет лицо. Приходят соседи. Включается чайник, наливается чай. Все говорят вполголоса, когда Джек Броган наконец звонит хорошему другу, шерифу Коваксу.

Ковакс немедленно высылает поисково-спасательный отряд. Они разрабатывают план поиска, но понятия не имеют, с чего начать. Лес? Город? Окрестности кинотеатра? Пляжи? Они живут посреди океана, вокруг целые мили дюн, а лес

простирается до самых гор. И нет точки, где бы их «видели в последний раз».

Уже почти в полной темноте поступает звонок с причала Булла Саттона. Сын Саттона, Блейк, видел, как ранним вечером Мэг Броган взяла семейную лодку Броганов. И до сих пор не вернулась.

– Куда она направилась? В какую сторону? Ты видел? – допрашивает Джек Броган, спустившись к причалу, и трясет парня, схватив за воротник, пока дождь и ветер хлещут его по лицу. Его глаза безумны, слова жестоки, сердиты, полны отцовского страха. – Какого черта ты никому не сказал!

– Я не знал, что она пропала! Я работал, собирал крабов.

– В какую сторону она направилась?

– Туда. Через бухту, к косе, – показывает Блейк. – Я… Я не думал, что что-то не так. Мэг знает здешние воды…

– Черт подери, ей всего тринадцать!

Блейк не напоминает ее отцу, что на следующей неделе Мэг исполнится четырнадцать. Он не рассказывает Джеку Брогану, сколь сладки губы его дочери и как ему хочется заняться с ней тем, что он видит во снах.

– Разве ты не знал, что собирается шторм!

– Джек, – шериф Ковакс кладет широкую ладонь Брогану на плечо, – полегче. Дай я поговорю с Блейком.

Приезжает пожарная машина, «Скорая», фургон поисково-спасательной службы. Еще полиция. В шторме пульсируют сине-красные огни. Мужчины и женщины в тяжелом штормовом снаряжении собираются вокруг фургона. Загорается прожектор. В бухту выходит спасательная лодка.

Шериф отводит Блейка в сторону. Лицо большого полицейского побелело от волнения.

– Шерри была с ней?

– Нет.

– Она говорила с тобой перед отъездом?

Блейк сглатывает. Опускает взгляд. Его лицо тоже бледно, челюсть сведена, мускулы на руках и шее напряжены до предела. Он должен был что-то сделать, сообщить кому-то раньше, оставить туристов и отправиться на поиски самостоятельно…

Шериф мрачнеет и начинает хмуриться, в его голове возникают вопросы…

– Блейк, ты был последним, кто ее видел? Кто-нибудь видел, как она отходит с причала?

– Откуда я знаю, кто ее видел после меня? – огрызается Блейк. – Она взяла лодку и вела себя очень странно. Я спросил ее, куда она направляется, но она ответила, что это не мое дело…

– Она взяла наживку? Собиралась ловить крабов?

– Нет. Не похоже, чтобы она пошла за крабами. Она… Казалось, у нее была какая-то… Миссия. Она выглядела взволнованной. Двигалась быстро. Пошла через бухту, прямо к Санни-Бич.

– Тебе нравится дочка Броганов, верно, Блейк? Милая рыжая малышка. Ты хорошо ее знаешь. – Короткое молчание. Корабельный гудок. – Очень хорошо.

У Блейка Саттона загорается взгляд, он смотрит шерифу в глаза.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего сынок, ничего. Просто пытаюсь понять, следует ли нам искать дочерей Брогана в двух разных местах или в одном.

Лучи фонарей танцуют в тумане над темной водой. Порывы ветра уносят крики. Булл Саттон быстро идет по трапу в тяжелых резиновых сапогах и зюйдвестке. Он залезает в свою лодку с большим мотором.

Шериф торопится к нему присоединиться. Заводится мотор. Загорается мощный прожектор, превращающий дождь в серебристое покрывало.

– Я с вами!

Блейк бежит по дорожке и качающемуся деревянному причалу за шерифом и отцом.

– Оставайся здесь. – Булл Саттон отвязывает веревки, и лодка движется назад, прочь от причала.

– За кого ты меня держишь?! За ребенка? Я ориентируюсь в этих водах, в этой бухте, в шторме лучше, чем половина из вас!

– Оставайся здесь, – кричит ему отец. – Здесь ты нужнее. Не выключай рацию. Ты должен быть на связи.

Блейк сжимает челюсть, стискивает кулаки. Он насквозь мокрый от дождя. Стонут гудки. Ветер колотит волнами о причал, слышен рев прибоя, бьющегося о скалы в устье бухты. Лодка его отца растворяется в темноте и тумане. В крови бьется адреналин, он вновь и вновь вспоминает Мэг, отплывающую в своей лодчонке, с босыми ногами и развевающимися на ветру волосами. Такая маленькая против целого мира.

Ты хорошо ее знаешь… Очень хорошо…

Глава 5

Блейк наблюдал, как Ной взбирается по песчаной тропе за домом, как подпрыгивает его маленький красный рюкзак, а светлые волосы ерошатся от ветра. Когда сын добрался до автодороги, он замешкался, но не посмотрел

назад.

– До скорого, чемпион! – крикнул снизу Блейк, взяв инициативу в свои руки, пока его ребенок не исчез, не попрощавшись. – Не забудь, сегодня едешь домой на автобусе!

Ной повернулся, быстро махнул рукой и исчез за кустами, направляясь к остановке, чтобы дождаться автобуса вместе с другими детьми.

Блейк сунул руки в карманы. Он чувствовал какую-то странную пустоту, стоя в резиновых сапогах на мокрой траве. Утро было прохладным, но ветер стих, и небо очищалось. Через несколько минут на востоке взойдет солнце и подарит бухте немного тепла. Но все вокруг было мертво. Конец зимы всегда был самым неприятным временем года – кажется, что лето может никогда не наступить. Но у него много работы, если он хочет подготовить причал и кемпинг к потоку туристов. Еще он хотел сделать ремонт в кафе «Крэбби Джек» для большого весеннего открытия. Глубоко вздохнув, он отправился в офис, хрустя сапогами по гравию.

Кто бы мог подумать, что он, прямо как отец, будет управлять причалом один? Отец-одиночка. Хотя он так старался пойти другим путем, найти другой маршрут, словно пытаясь запутать следы для собственной судьбы.

Сосредоточиться на рутине. Заняться делами. Открыть причал. Даже зимой всегда находился какой-нибудь старый упрямый рыбак, который хотел ловить крабов. Скоро придет весна, а потом летние каникулы, высокий сезон. Возможно, его сыну все-таки понравится это занятие. Блейк представлял, как бы все могло быть – Ной помогал бы ему с кемпингом, и с лодками, и с туристами, и с более серьезными охотниками за крабами и моллюсками, и с рыбаками.

Жизнь на пристани никогда не прельщала его старшего брата Джеффа но Блейк в глубине души всегда любил ее – жизнь в череде приливов и отливов, времен года, морских волн. Если бы не Мэг, не то, что случилось с ней и Шерри… Возможно, он бы остался, взялся бы за дело отца. Женился бы на Мэг, если бы она захотела. Но она вместо этого выкинула их всех из своей жизни, вырезала это место, как раковую опухоль, чтобы выжить. А он оказался слишком близко к повреждениям, от которых ей надо было избавиться. Сопутствующая потеря.

Блейк открыл офис, заварил кофе. Глянул в окно на фургон. По-прежнему там. Ночью он видел со второго этажа, что в нем горел свет – часа в три. Он и сам не знал, почему проснулся и пошел посмотреть. Возможно, в этом виноват внезапно утихший шторм.

Он проделал все утренние дела, готовясь к предстоящему дню, снова посмотрел на часы и направился к фургону, прихватив Люси.

Блейк тихонько постучал в дверь.

– Привет? Есть тут кто?

* * *

Пэгги Миллар разбила яйцо и бросила на сковороду. Оно зашипело, побелело, по краям появилась хрустящая корочка.

– Ни за что не угадаешь, кто заехал вчера вечером на заправку, – сказала она, потянувшись за новым яйцом. Из-за шума вытяжки приходилось повышать голос. Запах кофе смешивался с ароматом хлеба из хлебопечки, которая колдовала всю ночь. На улице был ясный денек, пушистые хвойные деревья стояли украшенные каплями дождя, блистающими в лучах утреннего солнца. С наступлением дня шум на прибрежной дороге становился все сильнее.

Ее муж, Райан, уже отвез Джейми и Алекса в школу и сидел за столом, читая газету.

– Мэг Броган.

Он резко поднял взгляд.

– Что?

– Мэг Броган вернулась в город.

Он изумленно уставился на жену.

– Куда? Когда?

– Я тебе только что сказала. Вчера вечером она заправила у нас свой фургон. С вашингтонскими номерами. Купила в магазине кое-какую еду.

– Мэг Броган вернулась? Какого черта она здесь забыла? Ты у нее спросила?

– Думаю, просто проездом. Она искала, где переночевать. До меня дошло, только когда она уехала. Лицо показалось знакомым, но сразу я не сообразила. Только когда она вернулась в фургон, я вспомнила постер в магазине Роуз. Книга Мэг Броган стоит там на центральной витрине. Ее лицо – на суперобложке.

Приготовились тосты, Пэгги положила по куску на каждую тарелку. Взяла бекон с бумажного полотенца, на котором он сушился, и аккуратно положила по два кусочка рядом с каждым тостом. Отнесла тарелки на стол, поставила одну перед Райаном. Он не сводил взгляда с ее лица.

– Она бы меня не вспомнила, – сказала Пэгги. – Я училась на год старше. Не общалась ни с ней, ни с Шерри. К тому же сейчас я выгляжу совсем по-другому. – Она вернулась на кухню, взяла кофейник. – Ты знаешь, что в книжном клубе Роуз как раз читают ее последний роман? Что-то про пожилую женщину, которая вспомнила преступление, совершенное пятьдесят лет назад. – Она взяла чайник. – Долить?

Но Райан молчал.

– Ты в порядке? – Она поставила чайник на место и медленно села.

Райан прочистил горло.

– Да. Да, все хорошо.

Он взял нож и вилку и растерянно принялся за еду.

Она разрезала яйцо. На тарелку потек желток.

– Я хочу прочитать эту книгу, – сказала Пэгги, поднося вилку ко рту. – Интересно, она когда-нибудь напишет про убийство в Шелтер-Бэй?

– Ты про убийство ее сестры? – похолодев, уточнил муж. – С чего бы?

– Может, к ней вернется память, как к той женщине из последней книги.

Райан допил кофе, резко поставил кружку на стол, взял салфетку и вытер рот.

– Пора работать, – поднялся он.

– Пожалуй, я присоединюсь к книжному клубу.

– А как же заправка?

Ее захлестнула горячая волна раздражения.

– Брэди может поработать пару лишних часов в неделю. Думаю, иногда мы можем позволить себе отдохнуть. Теперь, когда дела, похоже, наконец пошли в гору. Тебе тоже стоит иногда отдыхать.

Райан пристально посмотрел на жену.

– Все благодаря контракту с Кессингер-Спроатт. Если мы его потеряем, то потеряем все. Томми спас наши задницы.

– Райан, ради бога, книжный клуб нас не убьет.

Она вскочила на ноги, схватила свою наполовину полную тарелку и выбросила содержимое в мусорное ведро.

– Поговорим позже, – уходя, бросил муж.

– Позже, – пробормотала она. – Вечно «позже». Как будто мне нужно твое разрешение.

Пэгги пошла к окну, не выпуская из рук грязную тарелку. Посмотрела, как муж бредет к своей автомастерской, где он возился с машинами семь дней в неделю. И большую часть ночей, прихватив пару бутылок пива. Он располнел. В старшей школе он был красивым футболистом с мужественной челюстью, но теперь превращался в неуклюжего толстяка. Носил в своем пузе пиво и ее стряпню. Брать паузы, делать упражнения, может, снова заняться рыбалкой, поездками на природу – это становится необходимостью. Если она сможет его уговорить…

Может, завтра стоит приготовить зерновой завтрак вместо яиц и бекона, наполненных холестерином. Ей и самой не помешало бы скинуть десять килограммов, так сказал доктор. Убирая посуду в посудомойку, она кое-что вспомнила…

Как Мэг Броган первый раз пришла в школу после убийства. Холодным январем. Больше двадцати лет назад.

Пэгги замерла. Бедный ребенок. Она превратилась в собственную тень. С такой бледной и прозрачной кожей, что веснушки напоминали звезды. Вскоре она начала прятать веснушки под толстым слоем косметики, коротко подстригла волосы и покрасила в черный цвет. Словно хотела обрести собственную ауру смерти.

Пэгги все хотела что-нибудь сказать Мэг в школьном коридоре – ее шкафчик был прямо рядом со шкафчиком Мэг, – но так и не смогла подобрать слов. И Пэгги просто отводила взгляд. Как и все остальные дети. Мэг Броган ходила, сидела и ела в столовой, окруженная особой аурой молчания, словно тень, исключенная каким-то образом из их реального, комфортного мира.

Блейк Саттон был единственным человеком, который оставался с ней рядом. Почти каждая девочка в ее классе была однажды влюблена в Блейка. Но его интересовала только Мэг.

А потом она уехала и разбила парню сердце. Он никогда бы не женился на Эллисон, если бы мог заполучить Мэг. И что теперь? Он отец-одиночка с сыном, которого он никогда не хотел.

Пэгги вздохнула и посмотрела на кухонные часы. Нет времени раздумывать. Нужно собираться и идти в магазин.

* * *

Блейк постучал сильнее.

– Привет? Есть здесь кто?

Ответа не последовало. Он заметил вашингтонские номера. Обитатель либо спит мертвецким сном, или отправился на утреннюю прогулку, или… Рыбачит? Он вздохнул, медленно повернулся и вдруг заметил вдалеке, на палубе «Крэбби Джека», одинокую фигуру.

Женщину.

Она стояла возле перил, держа в руке дорожную кружку, и смотрела на бухту. Длинные, растрепанные на ветру волосы. Орехово-красные, отдающие золотом в восходящем солнце. У Блейка что-то кольнуло в груди. Он почувствовал горячий прилив адреналина. Но заставил себя успокоиться. Обезоруженный сходством, он направился по пустой парковке к офису и обошел вокруг здания к передней палубе кафе. Когда он повернул за угол, Люси вырвалась вперед и ткнулась незнакомке в джинсы, чтобы поздороваться. Та замерла от удивления, но потом увидела черного лабрадора и рассмеялась. Поставила кружку на перила и наклонилась, чтобы погладить Люси. Блейк увидел ее лицо. У него екнуло сердце. Он окаменел, перестал даже дышать.

– О, привет, малышка, ты кто? – спрашивала она его ласкового лабрадора, разглядывая бирку на ошейнике. – Люси? Какая же ты красотка!

Потом она подняла взгляд и замерла. Побледнела. Открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Она медленно поднялась на ноги, взялась за перила, словно нуждаясь в поддержке.

Блейку казалось, что он увидел призрака. Его мир крутился и вращался, теряясь во времени. Она повзрослела, стала изящнее. Такая худенькая в этой громоздкой кожаной куртке. Даже слишком худенькая. Все те же веснушки. Широкий рот. Светлые медовые глаза, почти янтарные в этом освещении. Большие глаза, темные ресницы. Эти глаза всегда притягивали его своей

загадочностью в глубины, где таилось воображение Мэгги, где она прятала себя настоящую, ранимого подростка, взрослеющую женщину. Он знал, что это место болело. И пытался помочь ей выйти наружу, но так и не смог до конца привлечь ее своим светом. Да, он пытался, но по эгоистичным причинам. Мэг была его первой любовью. Настоящей любовью. Той, что выходила за границы сексуального влечения и попыток его удовлетворения. И была одновременно дружбой, родством душ, как банально бы это ни звучало.

Женщина, которая оставила этот город и его, потому что он напоминал ей о плохом.

Он знал, кем она стала. Читал ее книги. На страницах газет в супермаркете он разглядывал ее фотографии с женихом, неприлично богатым психиатром знаменитостей, напоминающим Джеймса Бонда. Он всегда знал, что происходит в жизни у Мэг Броган.

Но никогда не ожидал снова увидеть ее здесь. Дома. На палубе его пристани. Ласкающей его собаку. А у нее за спиной, на другом берегу, – песчаная коса, где он нашел ее без сознания, почти мертвую.

– Мэг? – хрипло спросил он.

Ее взгляд метнулся на крышу здания. «БУЛЛС МАРИНА».

– Знаю. – Он шагнул вперед. – Да уж, надо будет когда-нибудь поменять надпись. Я здесь чуть больше двух лет. Полно работы по ремонту. Сама знаешь, чертов тихоокеанский норд-вест – все разваливается. Даже здания. Соленый ветер не помогает, только усугубляет процесс разрушения. А потом та огромная волна затопила «Крэбби Джек». Хочу привести его в порядок к весне.

Блейк, заткнись, идиот.

Она смущенно смотрела на него. Из-за худобы и бледности ее глаза казались еще больше, чем он помнил, и поглотили его полностью. Она убрала с лица пышные волосы, растрепанные ветром. Солнце достигло крыши здания, лучи упали на ее лицо. Она моргнула. Неземная красота – словно сияющий осколок мечты, вырванный из его прошлого и оказавшийся в этой безжизненной, гниющей, выцветшей реальности, его настоящем. Он сглотнул. Растерялся.

Словно очередное глупое, неосторожное слово могло спугнуть ее. Разрушить иллюзию.

Господи Иисусе, он до сих пор без ума от этой женщины…

– Твой папа?..

– Булл умер. Два с половиной года назад. Старый механизм, – он слегка постучал себя кулаком по груди, – не выдержал.

Похоже, новость буквально подкосила ее. Она медленно опустилась на влажную бревенчатую скамью. Поколебавшись, он подошел к ней поближе. Так близко, что мог прикоснуться. Она оглядела его, рассматривая, что с ним стало за шестнадцать лет. У него участился пульс. Он спрятал руки в карманы.

– Твой фургон? – спросил он, махнув рукой.

Она кивнула.

Он наклонился и быстро поцеловал ее в щеку, украдкой вдохнув ее аромат.

– Боже, как же я рад тебя видеть, Мэг.

Она сглотнула.

Он включил газ и зажег уличный обогреватель. В холодном воздухе вспыхнул огонь, и почти сразу стало теплее. Блейк сел напротив нее, на грубую скамейку из кедра. Наклонился вперед, положив локти на бедра.

– Зачем ты вернулась, Мэг?

* * *

Райан Миллар дождался, пока жена скроется за служебной дверью магазина. Достал телефон, набрал номер и приложил трубку к уху. Дожидаясь ответа, он бережно провел ладонью по огромному грузовику, припаркованному в

мастерской. Хром, штифты – вот его истинная страсть. Именно так он хотел проводить свободное время, если оно вдруг появится.

На третьем гудке звонок переключился на голосовую почту.

– Алло, – тихо сказал он, оставляя сообщение. – Это Миллар. Дошли слухи, что в город вернулась Мэг Броган – я подумал, ты захочешь быть в курсе.

Он поколебался, раздумывая, стоит ли рассказывать больше, но дал отбой. Какое-то время постоял с телефоном в руке, глядя на собственное карикатурное отражение в хромовом колпаке, размышляя о мечтах и реальности. Как в молодости ты строишь грандиозные, сияющие планы и как в итоге все получается совсем иначе. Как люди обживаются. Находят свою зону комфорта. Или колею, которая становится все глубже и из которой все труднее выбраться.

Налетел ветер, и капли воды упали на дверь гаража. Райан замер от внезапного шума. Погода менялась. Ветер нес дурные известия…

Глава 6

Блейк изменился. Стал мужественнее, жестче, набрал вес, накачал мышцы. Тоненькие морщинки лучились в уголках глубоких зеленых глаз, обрамляли крупный рот. Он был таким загорелым, обветренным. Выглядел как человек, который многое повидал и пережил. Войну. Чужие небеса. Море, дикую стихию. Но за внушительным видом все равно скрывалась какая-то… Надорванность. Этот мужчина, который знал ее лучше всех в мире, возможно, скрывал собственные глубокие раны.

Смешение чувств – вины, раскаяния, привязанности, родства – было столь противоречивым, внезапным и мощным, что привело Мэг в полное замешательство, и она медленно села на влажную скамью, не слишком доверяя собственным ногам. Ей вспомнилось, как она бежала по дорожке и по причалу, к их маленькой семейной лодке…

Мэг, ты куда?

Не твое дело…

Если бы она сделала это его делом, могло ли все быть иначе? Время шло. Кружились и кричали чайки.

Наконец она нашла в себе силы заговорить.

– Соболезную насчет Булла, – мягко сказала она. – Я… Я и не думала, что ты вернулся. Последнее, что я слышала, что ты ушел в армию.

– Так оно и было. На следующий день после твоего отъезда. Служил в армии медиком. Несколько сроков. Очень, очень долгих сроков. – Он улыбнулся, и на его щеках появились ямочки. Он поднял руки, раскрыв ладони. – Но смотри – я вернулся. Снова дома, в бухте.

Налетел ветер, и старый ржавый флюгер над «Крэбби Джек» заскрипел. Нижняя часть палубы застонала от волн. Лабрадор Люси покорно вздохнула и легла у огня, к ногам Блейка. Он сказал очень тихо, почти шепотом:

– Боже, прекрасно выглядишь, Мэг. – Он быстро откашлялся. – Пару недель назад я видел тебя по телевизору, в вечернем шоу. А еще твоя книга в центральной витрине у Роуз Тибодо. Наверняка она захочет, чтобы ты пришла на автограф-сессию или что-то вроде того. – Он улыбнулся еще шире. В глазах засиял свет. Но это было лишь поверхностью. Потому что в глубине Мэг прочитала нечто другое. Глубокую боль.

У нее в горле встал ком.

Взгляд Мэг упал на его предплечья. Загорелые, с золотистыми волосками. Они лежали на бедрах толщиной с ее талию. Его ноги расставлены, крупные руки сложены вместе. Вид Блейка казался очень знакомым и чужим одновременно. Мэг охватила горячая, странная тоска, почти боль. По дому, по утраченному. И вместе с тоской пришло что-то еще. Нечто сложное. Сексуальное. Она сглотнула и медленно подняла взгляд, встретив его взгляд.

– Итак, что привело тебя домой? – напомнил он.

Домой. Да вообще, что такое дом?

– Я приехала, чтобы написать историю Шерри.

– Историю Шерри? Книгу?

– Ага.

– Значит, ты приехала работать?

В его глазах блеснули искры насмешки, разочарования.

Она отвела взгляд, посмотрела на бухту. Скопа с плеском бросилась в воду, подхватила извивающуюся рыбу, капли блеснули в небе, когда птица устремилась ввысь, унося серебристую добычу.

– Честно говоря, Блейк, – медленно произнесла Мэг, наблюдая за полетом скопы, – я и сама не знаю, зачем приехала. Мне просто нужно было вернуться. Хочу повидаться с тетей, привести в порядок дом. Городские власти присылали предупреждения. Они грозились принять меры, если я ничего не предприму.

– Да уж, он как бельмо.

– Знаю. Я заезжала вчера вечером. Даже в темноте дом выглядел ужасно. Боюсь представить, как он смотрится при свете дня.

– А зачем трейлер?

– Это нечто вроде моего офиса. Я хочу припарковаться рядом со старым домом и привести его в порядок: отмыть стены, поставить новые окна, разобраться с интерьерами. – Она увидела в его взгляде напряженность и почувствовала, как щеки заливает краска: – Вчера ночью я не хотела оставаться там одна. Ворота все равно были заперты. Поэтому… Я приехала сюда.

Он бросил на нее осторожный, оценивающий взгляд, пытаясь определить степень решимости Мэг.

– Не понимаю, – вдруг сказал он. – Зачем возвращаться и раскапывать все это дерьмо – только ради истории? Серьезно, Мэг… – Он на мгновение отвел взгляд. – И как ты собираешься действовать? Опросить всех участников истории? Восстановить все до мельчайших подробностей?

– Попробую поговорить со всеми, кто еще может быть в городе: Айком Коваксом, Эммой, Томми, Дейвом. С Киваном Маком, с адвокатом Тая Мака, судмедэкспертом. С тобой.

Он выругался, помрачнев.

– Никто не захочет проходить через это снова.

– Блейк, я должна это сделать. Мне, если можно так сказать, нужно пройти по собственным следам. Вчера вечером, вернувшись в этот город, спустя многие годы, в тумане, проезжая старые места, я что-то почувствовала. Кусочки памяти стали прорастать во мне. Может, удастся что-нибудь вспомнить.

– И что именно должны рассказать тебе эти кусочки? Ничего нового. Мы знаем, кто это сделал. Знаем, кто пострадал.

– Я и не ожидала, что ты поймешь…

– Да, ни черта не понимаю. Это ради денег? Еще большей известности? Хочешь нажиться на трагедии, которая постигла этот город, сделать из себя героическую маленькую жертву, которая справилась со всем сама? Ребенка, пережившего насилие и семейную трагедию, чтобы вернуть справедливость и раскрыть преступление? А теперь только посмотрите: какой ты стала взрослой, потрясающей, знаменитой и независимой?

У нее в груди закипела ярость.

– Что, Блейк, теперь ты стал жестоким? Должна сказать, это тебе не идет.

Он фыркнул.

– Так каково это – получать выгоду от чужой боли?

– Это была моя боль.

– Нет, Мэг. Не только твоя.

Между ними повисло молчание. У Мэг пульсировала жилка на шее. Он крепко сложил ладони, бросил взгляд на ее помолвочное кольцо. Стал еще мрачнее, сжал губы.

– Блейк, я должна сделать это ради себя, – тихо, спокойно сказала она. – Напишу это и, может, даже никогда не опубликую. Но я должна написать, добраться до слова конец. То, что я видела тогда на косе, по-прежнему у меня внутри. Я знаю, оно там. Как постоянно растущая черная опухоль. Оно гноится. Проникает в мои сны. Я просыпаюсь по ночам вся в огне… Оно не отпускает меня. – Она умолкла, взяла себя в руки. – Прости, что я хочу попытаться излечиться.

Он выдохнул, встал, подошел к парапету. Обхватил деревянные перила руками и замер, глядя на маяк, туда, где он много лет назад нашел ее без сознания. Где спас ей жизнь. Солнце заблестело на обручальном кольце.

Мэг заметила его, и у нее внутри все сжалось.

– «Конец», – тихо повторил он. Повернулся к ней. Солнце золотило его густые каштановые волосы. – «Конец» случился восемнадцать лет назад, когда ты уехала, убежала…

– Я не убегала. Я хотела начать новую жизнь, учиться…

– Ты просто нас всех отрезала, не прислала ни одной чертовой открытки на Рождество. Ни одной записочки моему отцу. Или Коваксу, или Эмме, или Томми. И да, я у них спрашивал. Было интересно, вдруг им повезло больше? А Ирен? Ты так и не приехала с ней повидаться.

– Мы с ней виделись в тюрьме, когда я приезжала к…

– Только послушай себя.

Она поджала губы.

– Блейк, мы все через это прошли. Я оставила все позади.

– Мэг, очевидно, нет, потому что смотри – ты вернулась, пытаешься решить нечто нерешенное.

Она обиженно посмотрела на него, сердце стучало, как молот. Блейк удерживал ее взгляд несколько долгих секунд.

– Блейк, мне просто очень нужно об этом рассказать. – Голос Мэг задрожал, неожиданно для нее самой. Она опустила глаза. – Я и сама не понимала, но это так.

Он сел рядом, почти прикасаясь к ней мускулистым бедром. Какое-то время молчал.

– Прости. Я… Просто скучал по тебе.

Она снова посмотрела на его кольцо. Вспомнила их последний поцелуй.

– Ты же понимаешь, что твое пребывание здесь не пройдет гладко? Никто не обрадуется. Ни книге, ни тебе.

Она подняла взгляд, посмотрела ему в глаза. Его губы были так близко. Она помнила их вкус и аромат, словно это было вчера.

– Блейк, я понимаю, что будут возникать вопросы вроде твоих, люди захотят знать причину моего появления здесь. Вероятно, со мной не захотят разговаривать. Но, по моему опыту, по опыту прошлых дел, людям идет на пользу рассказ таких историй. Вроде катарсиса. Вряд ли кому-то есть что скрывать.

Глаза Блейка потемнели, и Мэг стало не по себе. Он провел рукой по щетине на подбородке, посмотрел на бухту, словно у него внутри шла борьба, и наконец улыбнулся. Но на этот раз улыбка казалась вымученной. Он взял ее за руку.

– Мэг, добро пожаловать назад. В любом случае – я рад тебя видеть. – Он замешкался. – Может, сделать тебе завтрак, кофе?

Она убрала руку и вскочила на ноги.

– Нет, спасибо. У меня все есть в фургоне. Заплачу за ночь и уеду примерно через час. Заберу ключи у Ирен, припаркуюсь возле дома.

Он тоже встал и засунул руки глубоко в карманы.

– Я не приму твои деньги. Ни за что. Оставайся сколько понадобится.

Она колебалась: ей ужасно не хотелось прощаться с ним на такой ноте, ведь она хотела – должна была – так много ему сказать, но не могла. Всеми фибрами души ей хотелось крепко обнять Блейка, уткнуться лицом ему в грудь, попросить прощения, сказать, что тоже скучает. И в эту секунду Мэг с ужасной, холодной уверенностью поняла: Джонах был прав. С ней действительно было что-то не так, потому что она не могла этого сделать.

Он кивнул на ее кольцо.

– Итак, когда большая свадьба?

– Сначала нужно закончить здесь.

– В смысле, написать книгу?

– Да.

Он поднял бровь.

Она быстро сменила тему:

– А ты, я смотрю, женат. На ком?

– Эллисон МакМюррей.

– Эллисон из моего класса?

Он кивнул, опуская взгляд. Мэг сама не понимала, почему ее так ранило то, что он женился на милой, кроткой Эллисон, которая так старалась подружиться с ней в школе. Это было глупо. Но внутренний ребенок не умирает никогда. Она не имела никакого права на ревность или чувство собственности по отношению к Блейку.

Большой ржавый фургон «Додж» с грохотом проехал по дорожке и припарковался на гравии напротив офиса, с лодкой на прицепе. Двери открылись, и вылезли двое пожилых мужчин в джинсах с подтяжками и фланелевых рубашках.

– Здорово, Саттон! – крикнул один из них Блейку, махнув рукой. Второй молча приподнял кепку.

– Я… Должна тебя отпустить, – сказала Мэг, наблюдая за ними.

– Да. Поговорим позже.

С этими словами он отвернулся и направился к клиентам. Широкими, пружинистыми шагами. Расправив плечи. Упрямый бык, прямо как отец. Наблюдая за ним, Мэг почувствовала себя разорванной. Ее мир только что изменился, и она больше не понимала, где его центр.

* * *

– Привет, Саттон, есть сегодня приманка для крабов?

Блейк подошел к клиентам, которым было почти по семьдесят лет.

– Гарри, Фрэнк, рано вы сегодня. – Он открыл для них дверь магазина. Звякнул колокольчик, они вошли внутрь, за ними Блейк. Он достал из холодильника рыбьи головы.

– Сколько вам?

– Давай этот пакет.

Из-за плеча Фрэнка, достающего из бумажника купюры, Блейк наблюдал за Мэг, как ветер развевает ее длинные рыжие волосы, пока она идет к фургону. Ему вспомнился тот роковой день, когда шериф Ковакс допрашивал его с ужасом в глазах.

Гарри проследил за взглядом Блейка. Вздохнул.

– Похоже на… Это что…

– Да, Мэг Броган. – Блейк взял у Фрэнка деньги.

– Зачем она вернулась?

– Похоже, хочет расправиться с призраками прошлого. – Блейк мягко усмехнулся. – Собирается писать книгу об убийстве Шерри Броган.

Мужчины замерли, переглянулись.

– Книгу? Какого черта? – спросил Гарри.

– Думаю, хочет извлечь выгоду из личной трагедии, – пробормотал Фрэнк, забирая пакет с рыбьими головами, чьи мертвые глаза смотрели из-за пластика. – Я видел ее по телику. Она теперь большая шишка. Тара и Джек в могилах бы перевернулись, если бы узнали, что она собирается вытаскивать наружу все это старье. Шелтер-Бэй это тоже не пойдет на пользу – по всем книжным магазинам страны мы прославимся как место жестокого убийства.

Блейк хотел защитить Меган, но смолчал.

Фрэнк направился в сторону двери. Гарри замешкался.

– И как она собирается это делать? Поговорить со всеми, кто еще здесь, вытягивая багаж воспоминаний из старых шкафов?

– Что-то вроде того.

– Кое-кому это точно придется не по душе. Шериф Ковакс. Это дело совершенно извело его и его жену. Изменило весь чертов город. Он так и не стал прежним. Словно закончилась эпоха.

– А теперь шерифом работает его сын, – добавил Фрэнк, открывая дверь. – Неудачное она выбрала время.

Блейк проводил гостей до выхода. Выдал им садки для крабов, понаблюдал, как они загружают лодку. Постоянные клиенты его отца. Друзья старого шерифа.

Мэг выбиралась с парковки. Ее фургон выехал на дорогу и повернул налево, к прибрежной дороге. Вина, боль, приступ гнева переполняли Блейка. Если бы он не был так двинут на Мэг все эти годы, возможно, его брак сложился бы удачнее. И отношения с сыном были бы лучше. И теперь, когда он наконец встал на ноги, занялся причалом, устроил здесь свою жизнь с Ноем, появилась она. Как назло. Потому что его тело по-прежнему реагировало на нее, как пресыщенное гормонами тело подростка. Или это были просто рефлексы, мышечная память, сработавшие раньше разума? Он направился к офису, обещая себе, что поведет себя разумнее, когда они встретятся в следующий раз. Если следующий раз, конечно, случится.

Он мог провести этот разговор куда лучше, это уж точно. Повел себя как задница. Хотя и сам понимал, что это самозащита. Потому что он не должен был ее хотеть. Она была помолвлена и носила в качестве подтверждения кольцо с неприлично большим бриллиантом.

И в одном она ошибалась. Еще оставались секреты.

* * *

– Она в мельчайших деталях помнит то, что произошло десятки лет назад, но путается в настоящем. – Директор пансионата для престарелых подняла взгляд с папки, лежащей у нее на столе, и посмотрела на Мэг через маленькие очки, будто разглядывала нечто неприятное. И Мэг ее понимала. Здесь все считали, что она бросила свою тетю.

– Когда ее кратковременная память дает сбой, она может вести себя агрессивно. Иногда Ирен кажется, что все вокруг пытаются ее обмануть или что планируется какой-то сговор.

Мэг прочистила горло, в свои тридцать шесть лет почувствовав себя ребенком в кабинете школьного директора.

– Я… Не ожидала, что все так серьезно.

– Ее слабоумие движется к так называемой четвертой стадии – средние повреждения. Пока что она обслуживает себя сама. И хотя она нормально общается с людьми, ходит на мероприятия, она достигла стадии, когда ей требуется сопровождение вне стен пансионата. Когда она дойдет до четвертой стадии, что может случиться довольно скоро, ее дезориентация во времени и пространстве усилится, и именно в этот момент наши близкие начинают легко теряться, а кратковременная память серьезно страдает. Для нее станет сложно запоминать все новое, в том числе и людей, которых она недавно встретила.

– Почему мне никто не сообщил о ее проблемах?

Директриса – симпатичная, с мягкими седыми волосами, уложенными в гладкий пучок, посмотрела на Мэг взглядом судьи, созерцающего грязного преступника.

– Ирен просила нас как можно дольше не сообщать родственникам, чтобы не беспокоить вас и не заставлять приезжать раньше времени. Но вы приехали как раз вовремя – надо принимать решения.

– Значит, я могу с ней куда-нибудь сходить?

– Если ее выпишет ответственное лицо, она может уехать. – Директриса встала натянуто улыбнулась. – Пойдемте, я проведу вас.

Мэг последовала за женщиной, цокающей каблуками по излишне теплому коридору. Пахло антисептиком, беконом, яйцами и кофе: как раз подавали завтрак. Так вот куда все привело? В это место? Ирен забросила собственную жизнь, чтобы позаботиться о дочери брата. И вот где Мэг оставила свою тетю. Вот как ее отблагодарила. Про себя она поклялась это исправить. Она должна

загладить вину. Найти способ, пока у Ирен еще есть время.

Слова Джонаха преследовали ее в коридорах пансионата.

Ты даже не ездила навестить Ирен с тех пор, как она переехала в тот дом. Не возвращалась туда восемнадцать лет. Ты не можешь пустить здесь корни, но вернуться туда тоже не можешь. Видишь? Ты еще не закрыла этот вопрос. Дело не в работе. Дело в твоих проблемах с доверием, ты не можешь подпускать к себе людей. Ты хочешь установить связь, но при этом отталкиваешь людей…

Капля пота медленно стекла в декольте. Директриса постучала в 117-ю комнату, открыла дверь, впустила Мэг.

– Если вам надо поговорить…

Мэг кивнула, не сводя взгляда с хрупкой, сутулой женщины возле окна, теребящей рукав.

– Ирен? – окликнула она, заходя в комнату. Дверь тихо закрылась у нее за спиной.

Ее тетя обернулась. Раскрыла рот.

– Тара?

– Я… Нет, это я, Мэган. – Она прошла вперед.

Ирен замерла в явном недоумении. Ее рука прикоснулась к седым волосам на виске.

– Ты… Выглядишь прямо как твоя мать. Господи. Я… Не ожидала тебя увидеть, Мэган. Что… Что ты здесь делаешь?

– Приехала увидеть тебя, разумеется. – Она поцеловала тетю в щеку. Кожа Ирен была сухой и холодной, но запах был Мэг знаком – лаванда, лемонграсс, – и он принес множество воспоминаний.

Ирен в панике оглядела комнату.

– Мне… Нужно принести сюда стулья. Больше стульев.

– Кровать вполне подойдет. – Мэг присела на край кровати. – У тебя прекрасный вид на сад. Мне нравится та ванночка для птиц.

Ирен выглянула в окно, снова посмотрев на пейзаж.

Мэг сглотнула. Нэнси Рейган назвала это долгим прощанием. Сегодня положено начало. У нее еще есть время. И вдруг она осознала: дело не только в книге, а в гораздо большем. В том, чтобы исправить все сделанные в прошлом ошибки. Вырасти и перестать быть самопровозглашенной «жертвой», как Блейк столь жестоко назвал ее этим утром. И имел на это полное право.

Наконец Ирен села на единственный стул. Посмотрела на Мэг.

– Так давно, – прошептала она. – Мэг, когда мы говорили в последний раз? Сколько лет прошло?

– Я звонила, – мягко напомнила Мэг. – Помнишь? Как минимум раз в месяц с тех пор, как ты сюда переехала. Я приехала тебя проведать. И хочу привести в порядок дом. Покрасить его, разобраться с садом. Может, поможешь мне? Или просто посмотришь? Посидишь в саду, если повезет с погодой, пока я буду работать над этой проклятой лужайкой, – улыбнулась она. – Я видела, что ворота заперты.

Ирен вздохнула, глядя куда-то в пустоту. Но потом вдруг встрепенулась.

– А, да. Заперты. Из-за вандалов. Там рисовали граффити. Ты ведь не собираешь продавать дом, правда?

– Ну я думала выставить его…

– Может, снова переедешь сюда, Мэг? Я могла бы жить с тобой.

– Я… Давай обсудим это позже. Я собираюсь пожить в городе, у нас будет полно времени.

– К отцу ты тоже приезжать перестала. Ты никогда не приезжала в нему в тюрьму. Ты обидела отца, ты знаешь об этом?

Это заявление шокировало Мэг, и она моментально возвела защитные стены.

Это он меня обидел. Обидел всех нас. Он убил маму.

– Я к нему приезжала.

– Ты… – Ирен нахмурилась и снова принялась теребить рукав. – Перестала приезжать. И все. Теперь я вспомнила. Понимаю, из Сиэтла в Салем путь неблизкий, но ты ни разу не приехала к отцу за последние пять лет. Он умер, так и не увидев тебя, Мэгги.

– Я перестала приезжать, потому что он отказался видеться со мной последние два раза. Если бы я знала, что он болеет, если бы кто-нибудь сказал мне…

Ирен начала агрессивно чесать рукав. Мэг заметила этот нервный тик, возникающий каждый раз, когда ее тетя не может что-нибудь вспомнить.

– Да, – сказала Ирен. – Да. Конечно. Он запретил мне рассказывать тебе о своей болезни. Хотел, чтобы ты жила своей жизнью, Мэгги. Исключительно поэтому. Сказал, что должен сам отбывать свое наказание, а тебе не следует тратить жизнь в долгих поездках до тюрьмы и обратно. Ты должна двигаться дальше.

Мэг почувствовала, что к глазам подступают слезы. Снаружи подул ветер, сухие листья забились о стекло.

– Если бы я только знала, – мягко сказала она, глядя Ирен в глаза, когда-то такие же темные и яркие, как у отца. – Мне жаль.

– Ты всегда была нашей малышкой, Мэгги. Мы только хотели сделать тебе как лучше.

Черт. Это пробирало до глубины души.

– Как твой мужчина? – спросила Ирен, посмотрев на большое помолвочное кольцо. – Как его зовут?

– Джонах. Все хорошо. – Мэг хлопнула себя по коленям. – Итак! Поможешь мне с домом? Мне понадобятся ключи от ворот и от дома, чтобы я могла зайти и оценить масштаб работ. Давай выберем время и вместе поедем погулять. Пообедаем где-нибудь в городе, выпьем чаю? Пройдемся по магазинам?

Ирен широко улыбнулась, в ее глазах показались слезы.

– С удовольствием. Ключи где-то у меня в шкафу.

Она встала, прошаркала к комоду, открыла верхний ящик и принялась в нем рыться. Мэг заметила на комоде экземпляр ее новой книги. В книге была закладка, и она лежала рядом с вставленной в серебряную рамку фотографией ее семьи, сделанной за месяц до убийства Шерри. Она вскочила, взяла фотографию. Ее охватило множество эмоций. Она и правда очень похожа на мать. На этой фотографии Тара Броган не намного старше, чем Мэг сейчас. Внезапно она посмотрела на свою семейную трагедию с новой стороны: как бы Мэг сама пережила жестокое убийство дочери, тюремное заключение мужа, отомстившего за нее в приступе ярости? Уж точно не стала бы убивать себя, оставляя младшего ребенка сиротой, это ясно. Мэг твердо поставила старое фото на место, почувствовав старую боль.

Ирен поставила на комод маленькую коробочку.

– Все ключи должны быть здесь, – сказала она, поднимая крышку. – Да, вот они. – Она протянула Мэг брелок с несколькими ключами. – Еще нужно отдать тебе коробки Тары, все ее бумаги.

Мэг удивленно посмотрела на тетю.

– Что?

Ирен поджала губы. С силой почесала руку.

– Все лежит в коробках. Над чем работала твоя мать. Я должна отдать их тебе. Может, ты сможешь разобраться.

– Какие коробки? О чем ты говоришь?

Ирен поспешила к шкафу.

– Там, наверху, Мэг. На верхней полке. Две. Сможешь достать?

– Что в них?

Ирен вдруг расстроилась.

– После пожара. Прости за тот пожар в доме, что я так оставила свечи… Поэтому я и решила переехать сюда, в пансионат. Боялась, что это повторится. Или случится что-нибудь похуже.

– Я знаю, знаю. Продолжай.

Пальцы Ирен с невероятной скоростью двигались по руке, у нее на скулах выступили два красных пятна. Мэг мягко накрыла ладонью запястье тети.

– Расскажи, Ирен.

– Ущерб от огня и воды – нам пришлось обратиться к рабочим, чтобы починить кухню. Сотрудники Томми приехали и все сделали. Бесплатно. Между кухней и гостиной была перегородка, помнишь, с книжными полками, где стояли рыбки Шерри?

Не глупи, Мэгги. Они живут в идеальном мире. В их водах нет хищников, с которыми бедным диким рыбкам приходится сталкиваться в открытом море…

– Да, помню.

– Ну когда они начали разбирать эту стену, то убрали с полки испорченные книги и нашли большой пожарный сейф в задней части одной из полок. Он был

спрятан за книгами, к которым я никогда не прикасалась. Там твоя мама хранила коробки с документами и дневник.

У Мэг перехватило дух.

– Дневник?

– Достань-ка все это.

Она достала. Две коробки с документами. Пыль на крышках. Мэг поставила их на кровать и открыла. Внутри были какие-то папки, конверты, набитые бумагами, фотографии и дневник в кожаном переплете. Мэг вытащила и открыла верхнюю папку. По спине пробежал холодок. Она посмотрела на тетю.

– Это расшифровка беседы шерифа с Тайсоном Маком.

Ирен кивнула.

Мэг быстро проглядела остальные папки, руки ее задрожали.

– Отчет о вскрытии Шерри, – прошептала она. – И дневник.

Мэг открыла первую страницу книги в кожаном переплете. Страницы были исписаны почерком ее мамы.

Сегодня вечером я встречалась с Ли Альбис, адвокатом Тая Мака. Мы проговорили до позднего вечера. Она замечательная женщина. Горячо верит в своего клиента. Она подготовила впечатляющую защиту. Дала мне копии всех материалов, и чем больше я читаю, тем сильнее верю, что суд непременно оправдал бы Тая, как минимум по причине объективных сомнений…

У Мэг подогнулись колени, она медленно опустилась на кровать.

– Кто… Что все это значит?

– Твоя мама не верила, что в убийстве Тайсона Мака виноват твой отец. И она начала собирать всю доступную информацию…

– Но папа признался. Были неопровержимые доказательства. Он это спланировал. И это сделал. Хладнокровно убил Тайсона Мака. Преследовал его в лесу. Пристрелил и превратил его тело в фарш голыми руками, пинал по ребрам и лицу.

– Тара считала, что его подставили.

Мэг непонимающе посмотрела на тетю.

Ирен села на стул.

– Мой брат Джек был хорошим человеком, Мэгги. Хорошим, богобоязненным человеком…

– Да, который буквально верил, что надо действовать по принципу око за око, и имел проблемы с самоконтролем и агрессией, стоило ему прикоснуться к спиртному. Я знаю.

– Он был сломлен растлением его малышки, и некоторые знали, почему Джек не прикасается к алкоголю, знали, что он предрасположен к агрессии. Что может наделать глупостей под влиянием… Знали, почему его уволили из полиции Портленда, прежде чем он переехал сюда, чтобы начать все с начала…

Ее голос утих, взгляд устремился в пустоту.

– Так почему папу уволили из полиции?

– Ох, Мэгги. Он не единожды выходил из себя и проявлял агрессию во время допросов.

– Что?

– Его попросили уйти, пока обо всем не узнала общественность. Тара считала, что кто-то, кто знал о прошлом твоего отца, рассказал ему в тот день, где найти Тая Мака. Джеку сказали что-то, что вывело его из себя, – может, что Тая Мака оправдают и отпустят… Это спровоцировало его на выпивку и покупку тех пуль.

Сердце колотилось у Мэг в груди. Некоторые вещи из прошлого отца всегда оставались для нее загадкой, и теперь все постепенно вставало на свои места.

– Кто? – спросила Мэг. – Кто в Шелтер-Бэй мог знать такое об отце?

– Это все есть в записках Тары, – сказала Ирен. – Я ничего не знала о ее дневнике и тех документах. Понятия не имела, чем она занималась перед смертью… До того пожара, пока мы не нашли сейф. Я ничего не знала. – Ирен почесала бровь.

– Ты прочитала ее дневник, прочитала все это и даже мне не позвонила?

– Мэг, я не знала, чему верить. Нельзя с уверенностью сказать, что у твоей мамы было все в порядке с головой, когда она писала этот дневник. А ты решила оставить прошлое позади.

Глава 7

Блейк закинул в бойлер оранжевый мешок, полный извивающихся крабов. В холодном зимнем воздухе витал пар. За навесом накрапывал мелкий дождь, испещряя поверхность воды. Он установил таймер. Фрэнк и Гарри наслаждались послеобеденным пивом на палубе «Крэбби Джек». Огонь газового обогревателя шипел под моросью. За вторым столиком сидели два отважных туриста из Азии, которым тоже повезло с уловом, и они попросили Блейка приготовить крабов и показать, как чистить панцири.

Он проверил таймер, посмотрел на часы. Ной вернется домой с минуты на минуту.

Пока готовились крабы, Блейк решил позвонить брату. Ответил мужской голос.

– Джефф? – спросил Блейк.

– Это Нат. Подожди, сейчас позову Джеффа. Он у себя в студии.

Кричали чайки. На проводах вдоль дороги сидели вороны и высматривали остатки крабов.

– Здорово, братец, ты как? – Джефф подошел к телефону. – Сто лет не слышал, – потом вдруг резко сменил тон, в голосе послышалась тревога: – Все хорошо? Ной в порядке?

Зазвучал сигнал, Блейк сунул руку в перчатке в кипящую воду и вытащил сетку. Пространство под навесом наполнилось паром. Краем глаза он заметил желтый школьный автобус за кустом, растущим возле шоссе. Его переполнили эмоции. Они с братом каждый день садились на этот автобус. Он не говорил с Джеффом… Как долго? Возможно, с тех пор, как два с половиной года назад Джефф приехал на похороны отца. Они отличались не только взглядом на мир, но и образом жизни. Его брат уехал из Шелтер-Бэй в теплую Южную Калифорнию спустя месяц после убийства Шерри. Уехал изучать классическое искусство, оставив Блейка заниматься причалом вместе с отцом. У них троих были сложные отношения по непростым причинам.

– Мэг Броган вернулась в город, – сказал Блейк. – Она пишет книгу про убийство Шерри Броган.

На другом конце провода повисло молчание.

– Что?

Блейк помахал Нею, спускающемуся от шоссе. Ной не ответил. Он брел, шаркая ногами. Черт. Опять что-то случилось в школе.

– Она собирается опрашивать всех и, возможно, позвонит тебе. Просто будь начеку.

Снова молчание. Удерживая трубку плечом, Блейк понес приготовленных крабов к стальному столу для чистки. Серая прибрежная морось щекотала кожу.

– Послушай, то, что случилось тогда на косе…

– Джефф, я не стану ей лгать. И умалчивать. Не в этот раз. Не после…

– Ты не лгал. Рассказывать было нечего. Это бы ни черта не изменило.

– Я знаю, тем вечером ты был на южном пляже, в том самом месте. Нашел твой мешок с барахлом для прочесывания пляжа. Что случилось? Почему ты бросил вещи?

– Блейк, забей… Не буди лихо. Нет никакого смысла раскапывать подробности. Это не важно, понял? Тем более прошло столько лет. Мы знаем, кто совершил преступление. Так или иначе, он заплатил за содеянное.

– Или иначе.

– Что именно ты пытаешься сказать?

– Что, возможно, история еще не закончена. Мэг кажется, что она начинает что-то вспоминать о нападении.

Молчание.

Блейк жестом подозвал двух азиатов к столу для чистки и тихо сказал:

– Тай Мак не был героем, но чем больше я обо всем этом думаю, тем сильнее подозреваю, что в тот день случилось что-то другое.

Джефф застонал.

– Мак был сексуально агрессивен. Если девушка отказывала ему, у него срывало крышу. Так случилось и с Шерри. Она поехала с ним на косу. Он сделал попытку. Она сказала «нет», и он взорвался.

– Он не дожил до суда. И утверждал, что оставил Шерри в целости и сохранности.

– Его чертов ДНК, сперма, его кожа под ее ногтями, его волосы, свидетели – все улики работали против него. Единственная причина, по которой ему не присудили срок, – то, что Джек Броган не дал Коваксу времени совершить арест.

– Почему ты не хочешь рассказать мне, что видел в тот день на косе?

– Потому что я ни хрена не видел. Я поругался с папой, и все.

Ной добрался до парковки и направился к входу в офис.

– Ной!

Мальчик не поднял взгляда. Протиснулся внутрь, захлопнул за собой дверь. Блейк тихо выругался. Азиаты, улыбаясь, подошли к столу для чистки, готовые к уроку разделывания крабов.

– Мне пора, – сказал Блейк. – Просто хотел предупредить тебя: если она спросит, я ничего скрывать не стану. Скажу ей, где ты был в тот день.

Он повесил трубку и вытащил из мешка краба. Поглядывая в окно в сторону дома и беспокоясь за Ноя, он показал гостям, как чистить и раскалывать порозовевшего самца краба, как вымывать с помощью специального шланга желто-черные внутренности, смывая их в дырку, в специальную ванночку. В небе кружили и кричали чайки.

Блейк почесал бровь тыльной стороной ладони. Туристы принялись за дело. Наши решения, секреты, которые мы прячем от любимых людей, эхом отдаются во времени, и за все приходится платить…

Он посмотрел на залив. Дождь усилился. Начался прилив. Ничто не может удержать время, или прилив, или погоду, или то, что должно произойти…

* * *

Мэг подъехала к дому, в котором выросла, и заглушила мотор. Из леса выполз туман и окутал здание.

При свете дня он выглядел еще хуже. Жуткий, с заколоченными досками разбитыми окнами, заросший травой. Непристойное граффити. Пятна грязи покрывали лужайку, некогда такую зеленую и сочную, гордость ее папы. Ванночка для птиц упала набок, покрылась коричневым мхом. Деревья подбирались к дому, ветви проникали в щели и окна, словно лес спускался с горы, пытаясь отвоевать территорию. Старый каштан, по которому она когда-то спускалась вниз из окна спальни, превратился в нависающего монстра. Интересно, сохранились ли остатки ее домика на дереве, возле патио, где ее папа готовил барбекю в тот вечер, дожидаясь, когда они с Шерри вернутся домой?

Мэг охватила тревога. Она натянула капюшон, открыла дверь машины и спрыгнула вниз. Медленно подошла к воротам с ключами в руках.

Хреновый видок, да, Мэг? Помнишь тот день? Когда ты видела, как меня увозит Тай…

Она замерла. Деревья зашумели от порыва ветра. Они словно шептали ей что-то голосом Шерри. Мэг огляделась. Во рту пересохло.

Шерри? Ты здесь? Ты наконец говоришь со мной, спустя все эти годы?

Новый порыв, деревья наклонились, зашелестели. Начали падать куски каких-то обломков. Вокруг дома кружился туман. У Мэг по спине пробежал холодок. Но она сказала себе, что это глупо, наклонилась и крепко взялась за замок. Он оказался холодным и мокрым. Мэг вставила ключ, повернула. Ничего. Потрясла его, попыталась снова. Покрытый ржавчиной механизм не поддавался. Она выругалась и попробовала несколько других ключей, просто чтобы убедиться, что выбрала верный. Все тщетно. Дождь усилился. Она снова вставила первый ключ, с нарастающим гневом попыталась его повернуть. Нет. Интересно, у нее осталось масло? Мэг подняла взгляд и замерла, увидев, что к дому подъехал автомобиль шерифа, скрипя тормозами по мокрой улице. Опустилось окно.

– Так-так, если это не звезда Мэг Броган, наша местная знаменитость, то кто ты, девочка?

Она убрала с лица влажные волосы и подошла ближе, вглядываясь внутрь машины.

– Дейв, ты?

Дверь распахнулась. Помощник шерифа вышел, распрямившись во весь внушительный рост. Он прикрылся от дождя форменной шляпой и широко улыбнулся. Карие глаза засветились теплом. Дейв Ковакс был массивной копией собственного отца, Айка, только без усов. Словно он появился прямо из дыры во времени. Мэг не смогла сдержать ответной улыбки от удовольствия и облегчения, что теперь она не одна.

– Мне сначала показалось, что это не ты, а твой отец. Как ты? Еще не стал главным шерифом?

Он поцеловал ее в щеку, она почувствовала аромат «Олд Спайс». Старомодный и консервативный Дейв даже пах, как отец.

– Рад тебя видеть, Мэган. – Он зацепился большими пальцами за ремень и посмотрел на покрытый граффити дом. – Нет, пока нет. Пока только помощник шерифа. Но, думаю, все к тому идет.

– Молодец… Так… Ты просто проезжал мимо? Или приехал сделать мне предупреждение насчет этого бельма? – Она кивнула головой в сторону дома.

Он улыбнулся.

– Да. Повсеместная проблема, вандалы. Постоянно расписывают пустые отпускные дома, особенно внизу, на пляже. Я слышал, что ты вернулась. Подумал, дай заеду.

Она вздохнула, пытаясь разглядеть его глаза, спрятанные тенью от шляпы.

– Слышал, ты пишешь книгу. Про Шерри.

– Да. Быстро новости расходятся.

– Не каждый день у нас в Шелтер-Бэй появляются такие новости. Давай помогу с замком. – Он взял у нее ключи и подошел к воротам. Вставил ключ, немного пошатал и уверенно повернул – его руки были куда сильнее. Замок открылся. Он вытащил цепь, широко раскрыл ворота и протянул ей ключи.

Забирая их, Мэг залилась краской.

– Рядом с тобой я почувствовала себя девчонкой.

Он молча смотрел на нее непроницаемым взглядом. Ее улыбка медленно угасла.

– В чем дело, Дейв?

– Не лучшая идея. Насчет книги.

– Почему?

Он фыркнул, посмотрел на лес.

– Это старое дело раскололо город. Довело папу. Маму… Всех нас. – Он повернулся и вдруг пристально посмотрел на нее. – В чем смысл? Тай Мак мертв. Твоих родителей больше нет.

Она сжала зубы. Какое-то время молча смотрела ему в глаза. С полей его шляпы капала вода. Сквозь деревья снова подул ветер, пролетел по ее лицу, словно прикоснувшись. Предупредив. Она снова почувствовала присутствие Шерри.

– Дейв, мне нужна правда.

И вдруг ее осенило. Дело действительно в большем. Не просто книга. Не просто интервью. Ее мать верила в более глубокие причины случившегося, в то, что отца могли подставить. И каждую минуту пребывания в Шелтер-Бэй чувство, что в ее памяти скрыто что-то важное, усиливалось. Что бы ни гноилось в ее голове двадцать два года, рану нужно залечить. Так или иначе. И она это сделает. Не только ради Джонаха.

– Прими мой совет, – Дейв открыл дверь своей машины, – оставь все как есть. – Он помолчал. – И не вздумай просить моего отца об интервью, поняла? Он вышел на пенсию пять лет назад. У него слабое сердце. Мы хотим, чтобы он пробыл с нами как можно дольше. Теперь он дедушка.

– Дейв, я пишу книгу. И мне придется взять у него интервью.

– Он не согласится.

– Хорошо, тогда пусть скажет мне об этом сам.

Молчание. Вдали слышались звуки машин на прибрежной дороге. И Мэг почувствовала, как между ними растет пропасть.

– Мэг, будь осторожна.

– Что это значит?

Он задержал взгляд на мгновение дольше, чем нужно.

– Если эти вандалы вернутся, а ты тут одна… – Он покачал головой. – Дашь мне знать, хорошо?

Он сел в машину и уехал. Мэг стало не по себе. Ей вспомнились утренние слова Блейка:

Твое пребывание здесь не пройдет гладко. Никто не обрадуется. Ни книге, ни тебе.

* * *

Джефф вышел на террасу своего пляжного дома на сваях и посмотрел на море. Вдалеке бежала по песку какая-то пара с двумя собаками. На берег накатывали белые буруны. Воздух Южной Калифорнии был таким мягким и приятным. Джефф засунул руки глубоко в карманы. Он всегда знал, что это может всплыть и снова начать его преследовать. Просыпался по ночам в холодном поту. Сны

становились все тяжелее. А теперь? Теперь это. Он тяжело вздохнул.

Сильнее всего на свете он желал очиститься перед свадьбой, новым началом в своей жизни. Но при этом мог потерять все. Такая ирония…

Между молотом и наковальней. Избитость этого выражения набила оскомину. Меж двух огней. Между Сциллой и Харибдой…

– Все в порядке?

Он напрягся, обернулся. В дверях стоял Нат, крутил в руке ручку, закатав рукава. Его улыбка померкла, когда он увидел лицо Джеффа.

– Что хотел твой брат? – спросил Нат.

– Просто повидаться. Думаю… Мне надо съездить домой.

Несколько секунд Нат молча смотрел на него, потом произнес:

– Я подожду. Хочешь вина? Здесь, на террасе?

Джефф выдавил улыбку:

– Было бы здорово.

Они сели рядом, глядя на океан, с бокалами охлажденного пино-гри и тарелкой органического сыра. Освещение было странным. Медно-пурпурным, как перед штормом. На горизонте показалась стена дождя. Цепь облаков тянулась к побережью. Поднялся ветер, но было тепло.

Джефф любил это место. Здесь он впервые в жизни обрел свободу. Сумел стать собой. Но было ли это истинной свободой, если он не мог отправиться куда угодно? Даже домой? Обратно в прошлое? По-настоящему ли он свободен, если внутри его по-прежнему сидит та чернота? Он пил вино и вспоминал, как читал о преступниках, которые сознавались во всем, не выдержав чувства вины. Им нужно было рассказать кому-нибудь о своих злодеяниях. Возможно, эта мысль берет начало в католичестве. Грехи отпускаются, и верующие могут начать жить

сначала.

Но как он может начать исправлять прошлое, если рискует потерять Ната? И полностью уничтожить человека, который был ему когда-то так дорог? Ведь именно поэтому он сбежал при первой же возможности.

А теперь этот звонок, щупальце прошлого, липкое и коварное, и – да – опасное. Проникающее в его жизнь.

– Итак? – наконец спросил Нат. – Зачем тебе домой?

Джефф посмотрел Нату в глаза. Карие, со слегка опущенными уголками, что придавало ему грустный, но добрый вид. А когда он улыбался, они выглядели озорными. Его Нат был кротким. Но при этом твердым, как камень. У Джеффа внутри все сжалось от безысходности.

– Хочу рассказать брату про нас, про свадьбу. Лично. Пригласить его и Ноя.

Брови Ната поползли вверх.

– Хочу открыто заявить о себе в родном городе. Я устал от чертовых недомолвок, старых обманов. Я… Просто должен это сделать. Разобраться с собственной жизнью… До свадьбы.

Найти способ разобраться с прошлым, чтобы мирно, уверенно двигаться в новую жизнь…

Нат пристально посмотрел на него.

– Ты уверен?

Джефф перевел взгляд на океан.

– Да, уверен. – Он выдохнул. – К тому же последний раз я видел Блейка и Ноя на похоронах отца. Ною было всего шесть лет. А я приехал только на один день – возможно, мой племянник даже не знает, что у него есть дядя. Я переживаю из-за этого и из-за Блейка, одинокого отца, который пытается содержать эту

гнилую старую пристань.

Нат кивнул, но на его лице отразилась тревога. Какое-то время они молча пили вино. Соленый бриз принес с собой далекий шум океана. Вдруг налетел порыв ветра, бросился на песчаную дюну, взъерошил ее, словно невидимой рукой. На террасе зазвенела «музыка ветра». Джеффу стало жутковато, его посетило ощущение, будто время слегка сместилось.

– Хочешь, я поеду с тобой?

Джефф улыбнулся.

– Спасибо, но нет. Я справлюсь. Правда. Я должен сделать это сам. Должен проложить тебе дорогу к моей семье.

Снова напряженное молчание. Нат пристально смотрел Джеффу в глаза. В его взгляде была тревога. Даже страх. Джефф отвел взгляд, сделал большой глоток вина, пытаясь подавить ноющую боль в груди, – он может многое потерять. Ната. Все это. Потерять, если и дальше будет сидеть сложа руки и ждать, пока к Мэг вернется память или она сможет докопаться до правды с помощью признания его брата.

Возвращение в Шелтер-Бэй дает ему шанс… Можно попытаться остановить Мэг. Попытаться убедить Блейка хранить молчание. Ну а если все полетит к чертям… Он понятия не имел, что делать, если все полетит к чертям.

* * *

Мэг зашла в старую комнату Шерри. От сквозняка затрепетала паутина. Ирен держала эту комнату постоянно запертой с тех пор, как приехала заботиться о Мэг, и зайти сюда было все равно что перенестись во времени на двадцать лет назад. Шерри любила фиолетовый. Фиолетово-зеленые стены. Лавандовое покрывало. На стене – постер Джона Бон Джови, изображения звезд того времени. Ботинки «Мартенс» по-прежнему ждали в углу.

Мэг осторожно провела пальцами по рядам старых CD-дисков, покрытых толстым слоем пыли.

И села на кровать.

Кровать, где она нашла свою маму первого мая, двадцать один год назад – весной, в пору новых начинаний. Тара лежала на спине, раскрыв рот, со следами желтой рвоты в уголке губ. От этого воспоминания у Мэг все сжалось внутри. Она посмотрела на прикроватную тумбочку, где стоял контейнер из-под таблеток. Пустой.

Ее мать выбрала именно это место, чтобы свести счеты с жизнью, пока четырнадцатилетняя Мэг спала чуть дальше по коридору.

В горле встал ком, но Мэг сжала зубы и подавила эмоции. Она не хотела быть «жертвой», как ее назвал Блейк. Она никогда не была жертвой. Чушь! В какой-то момент в пансионате у Ирен она готова была признать свой эгоизм – и могла понять, почему он так подумал. Но ее зацикленность на себе, то, что она выбросила всех из своей жизни, была борьбой за выживание, а не бегством жертвы. Для этого требовалось мужество. А не трусость.

Она раздвинула шторы. В воздух взлетели клубы пыли, плавно закружились вокруг. Мэг чихнула и открыла окно. Внутрь хлынул чистый, холодный воздух.

Мэг опустилась на краешек кровати. Кутаясь в сырое пальто и сжимая в руке мамин дневник, она посмотрела на фотографию в рамке – Шерри и Томми Кессингер, на яхте его отца. Тем летом им было восемнадцать и девятнадцать, они стояли на пороге взрослой жизни. Смеющиеся. Красивые. Загорелые, стройные, полные энергии и надежд.

Глубоко вздохнув, она убрала с лица спутанный клубок влажных волос и открыла дневник на последней записи. С удивлением посмотрела на дату – тридцатое апреля, за день до того, как ее мать покончила с собой.

Темнеет, и я уже видела в окно, что в конце улицы опять припарковался тот внедорожник – под сломанным фонарем, за вишней. Уверена, это тот же самый. Хотя в темноте и тени точно не разобрать. Звонила Айку Коваксу. Он велел запереть двери, обещает заехать утром. Я сказала ему, что, похоже, кто-то пытался залезть к нам в дом три ночи назад. Он ответил, что, скорее всего, это

енот или медведь. Они сейчас очень активные. Он считает, что мне надо расслабиться, что мое лекарство от стресса может вызывать тревогу. Айк меня жалеет – он явно имел в виду паранойю, неадекватность, и я действительно чувствую тревогу, сердце так и колотится. Во рту постоянно сухо. Но когда я пожаловалась на это доктору Армано, он сказал, что я слишком мало сплю. И прописал таблетки от бессонницы. От того таблетки, от сего таблетки… Что дальше? Единственное, что меня успокоит, – правда. Может, тогда я наконец смогу спать спокойно.

Я переживаю, что уделяю недостаточно внимания Мэг, но на большее не хватает сил, и я хочу, чтобы она жила своей жизнью. Я бы с удовольствием с ней все обсудила, но она еще слишком маленькая. Она так переживала, когда арестовали Джека. И еще сильнее, когда его отказались освободить под залог. В декабре нас еще ждет суд, и это не дает мне покоя. Мне нужно успеть получить ответы. Все, что я найду, может смягчить его приговор.

Ох, мой дорогой Джек, как бы мне хотелось, чтобы ты поговорил со мной и рассказал, кто указал тебе, где прячется Тай, кто или что тебя так рассердило и заставило совершить преступление. Да, знаю – ты считаешь, это только твоя вина. И да, возможно, человек, который рассказал тебе, где прячется Тай Мак, не хотел ничего плохого, и да, понимаю: это не поможет вытащить тебя из тюрьмы, но эта ниточка может привести меня к недостающему звену, к дурному, очень дурному человеку, который до сих пор на свободе и может снова кого-нибудь убить. Который может снова изнасиловать и убить чью-то дочь, пока ты проживаешь свои дни в маленькой квадратной камере без солнечного света.

И все. На этом все заканчивалось. Последние слова ее матери, словно просто кончилась паста в ручке. Что это значит?

К дурному, очень дурному человеку, который до сих пор на свободе и может снова кого-нибудь убить…

Значит, ее мама пришла к заключению, что Тай Мак на самом деле невиновен? И убийца Шерри все еще на свободе? Значит, Тара Броган закрыла дневник на этой последней записи, спрятала его в сейф и пошла спать? И что на следующий день? Что привело ее к самоубийству на следующий вечер? Потому что совсем не похоже, чтобы она собиралась сдаваться и лишать себя жизни. Больше

похоже на любящую жену и мать, отчаянно пытающуюся помочь мужу, у которого приближался срок освобождения – в декабре должен быть суд.

Мэг вскочила на ноги, прошлась по комнате. Никакой логики.

Она крепко прижала дневник к груди. Мама про нее не забывала. Она боролась за Шерри. За папу, за семью. За правду.

Она делала то, что я бы сама сделала на ее месте. Боролась за ответы, не сдавалась…

И что за машина наблюдала за их домом? Почему ее мама боялась, что кто-то проникнет внутрь? А Айк Ковакс отмахивался от ее страхов.

Ее мама была совсем другой, чем думала Мэг. У Мэг защипало глаза. Она сделала глубокий вдох, стараясь сдержаться. Черт. Теперь она точно допишет историю до конца, и ничто ее не остановит. Она должна своей матери. Шерри. Папе.

Себе.

Сжав зубы, она спустилась вниз и направилась к фургону. Взяла ноутбук и занесла внутрь коробки. Включила свет, вытерла пыль в гостиной и принялась раскладывать документы на столе, параллельно совершая звонки в фирмы по поводу мытья дома, покраски стен и замены разбитых окон.

Она собиралась взять дневник, документы, записи, фотографии места преступления и тщательно их изучить, отследить каждый шаг маминого расследования.

И к черту Дейва Ковакса. Его отец был одним из первых в ее списке – она доберется до отставного шерифа Айка Ковакса, неважно, что там у него с сердцем.

Глава 8

– Ной, не хочешь рассказать папе, что ты сделал вчера? – спросила Элли Свит приторным голосом, от которого у Блейка побежали мурашки. Она позвонила и попросила его зайти к ней с Ноем после занятий. Теперь Блейк сидел рядом с Ноем на детском стульчике за голубым столиком в милом, ярком, желтом школьном кабинете. Он посмотрел на своего бледного сына, сидящего с опущенной головой. Сегодня утром он сам отвез Ноя в школу и за ним приехал. Элли Свит смотрела на его ребенка из-за стекол своих модных очков в пластиковой оправе, и Блейк сразу почувствовал себя на стороне мальчика – неважно, что он натворил.

– Все в порядке, приятель, – мягко сказал он. – Можешь мне рассказать.

Ной уставился на трещину в столе.

– Ной? – повторил он.

Молчание.

Блейк начал раздражаться.

– Ты ударил Алекс портфелем, да, Ной? – спросила мисс Свит.

Ной поджал губы. Начал дергать коленом.

– Разве это хорошо, приятель?

Он искоса посмотрел на отца.

– Зачем ты это сделал? – спросил Блейк.

Внимание его сына снова переключилось на трещину в столе. Колено задергалось быстрее.

– Знаешь что? Иди, подожди меня в машине. Хочу поговорить с мисс Свит один.

Ной резко поднял голову, на его лице отобразилось множество эмоций – страх, гнев, надежда. У Блейка дрогнуло сердце.

– Иди, – мягко сказал он. – Вот ключи.

Он дождался, пока за сыном закроется дверь.

Блейк обратился к мисс Свит:

– Наверняка его спровоцировали. Ной – не агрессивный ребенок. Даже наоборот. Излишне чувствительный. Настолько, что я даже за него волнуюсь.

– Причина тут не важна, мы не можем потворствовать насилию в любых проявлениях, мистер Саттон. Наши ученики должны понимать, что есть лучшие способы разрешения конфликтов – обсуждение. Третейский суд. И одноклассники уже не в первый раз жалуются на такие вспышки у Ноя.

– Вы видели, что произошло?

– Нет, но…

– Получается, какой-то ребенок на него наябедничал, и вы сразу верите? Вы что, не заметили, что у него тоже царапина на голове? Может, тот мальчик первым его ударил. Почему вы не вызвали сюда с родителями этого Алекса?

– Эту.

– Простите?

– Алекс – девочка.

– Он ударил девочку?

– Мистер Саттон, вы должны поговорить с сыном. Я уже говорила с Райаном и Пэгги Миллар, родителями Алекс. Возможно, она спровоцировала Ноя, но насилие – неприемлемая реакция. Мы не потерпим, если это происшествие

повторится. В следующий раз вы будете разговаривать с директором. А последствия… Ну, думаю, это обсуждать пока не стоит. – Она улыбнулась. Приторно.

Блейк прочистил горло, внезапно и с удивлением почувствовав близость с отцом, вспомнив его борьбу с Джеффом. Ной – чувствительный, творческий мальчик, как его дядя. Как его мама. Интроверт с богатой фантазией – в его голове таится много темных, секретных мест.

– Послушайте, он переживает потерю матери…

– Я знаю. – Элия Свит слегка кивнула головой. – Мы понимаем. Понимаем, что вам обоим сейчас приходится нелегко. Но с тех пор прошел уже целый год, мистер Саттон. – Она замялась, очаровательно покраснела. – Вы с Ноем не думали обратиться к специалисту? Можем порекомендовать вам…

Блейк резко вскочил на ноги.

– Я с ним поговорю. Разберусь. Спасибо.

Он выскочил из дверей школы, разгоряченный от адреналина, переполненный эмоциями, которые не мог пока даже сформулировать. Мелкий дождь освежал его лицо, пока он шел по парковке. Увидел маленькую фигурку Ноя на пассажирском сиденье и сжал челюсть, обрушив весь гнев, бурлящий внутри, на Райана Миллара. Ему никогда не нравился этот тип, даже в начальной школе, – он не доверял ему. Ни на йоту. Он бил Райана пару раз в жизни и был не менее жестоко бит в ответ.

Вот они, прелести жизни в маленьком городке. История повторяется, семейная неприязнь переходит из поколения в поколение.

* * *

– Алекс Миллар наверняка сказала что-то, что тебя очень расстроило, Ной. Я понимаю. Но если ты не расскажешь, что именно она тебе сказала, я не смогу тебе помочь. А если эта Миллар снова тебя доведет и ты не сдержишься, им придется принять меры. Тебя выгонят из школы, и что тогда?

– Плевать.

Блейк крепко держался за руль. Ной сидел рядом с ним с тремя коробками свежей пиццы на коленях. Люси растянулась на заднем сиденье. Блейк взял сына с собой по делам, не хотел оставлять его дома одного после поездки в школу. Багажник пикапа был заполнен краской и другими материалами для продолжения ремонта «Крэбби Джек». Темнело. Дождь усилился, аромат пиццы смешался с запахом мокрой псины.

Блейк подъехал к Т-образному перекрестку на прибрежном шоссе. Дворники работали вовсю. Он чувствовал себя таким чертовски одиноким. Совершенно непонятно, что делать. Он снова вспомнил папу и Джеффа, как он сам пытался защитить старшего брата от их мужественного отца, разгневанного сыном, предпочитающим искусство, а не моряцкую жизнь на пристани. Булл Саттон придерживался старомодных викторианских взглядов, вероятно, привитых ему собственным отцом. Он всегда был скор на физическую расправу и замечания. Буллу не хватало рядом женщины, ее мягкости, и Блейк подозревал, что отец очень тяжело перенес смерть его мамы.

Вспоминая собственное детство, Блейк понимал одно: строгость тут не поможет. Он должен завоевать любовь Ноя. Оставаться спокойным, понимающим, открытым. Добрым. Терпеливым. Он глубоко вздохнул, борясь с желанием отправиться прямиком к гаражу Миллара.

Он посмотрел на три коробки пиццы, потом на часы. Поддался порыву и повернул налево, к юго-западному кварталу, идущему вдоль леса.

– Куда мы едем? – вдруг спросил Ной, внезапно выпрямившись.

– Так ты со мной поговоришь?

Но Ной отвернулся, глядя в залитое дождем окно. Блейк включил радио, чтобы заполнить пустоту. Зазвучал музыкальный проигрыш, и началась программа.

…это КейСи-ФМ, ваши глаза и уши, голос побережья. Сегодняшние сплетни: маленькая птичка напела нам, что местная знаменитость Мэг Броган вернулась,

чтобы принять вызов, брошенный ей несколько недель назад ведущим «Вечернего шоу» Стамосом Статхакисом, который предложил ей написать историю Шерри Броган. Ее возвращение пробудило интерес к старому преступлению, и сегодня утром «Прибрежная газета» сообщила, что ее ведущий корреспондент выясняет подробности убийства, некогда потрясшего этот город…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Главный действующий персонаж романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».

Купить: https://tellnovel.com/ru/uayt_loret/kogda-merknet-svet

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить